

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

Одержимые

Только ты

Пелевина Катерина

Одержимые. Только ты

<https://litres.ru/74221487>

Аннотация

Я всё ещё люблю, хоть и не знаю, как сложилась его жизнь... Порой мне хочется рассказать ему, как проходит моя, но отныне я осекаю себя от этих мыслей... Мне кажется, что-то внутри замкнулось и уже никогда не станет прежним... Ведь от самого первого взгляда до нашего последнего «Только ты» моё сердце не перестаёт отстукивать три буквы его любимого имени. Даже во снах... Только это, к сожалению, уже не взаимно...

Продолжение истории «Одержимые. Первая любовь». Два года спустя.

История Олеси Носовой (Ветошниковой) и Тимура Савицкого
#военный, #очень эмоционально

Содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	14
Глава 3.	26
Глава 4.	36
Глава 5.	46
Глава 6.	58
Глава 7.	69
Глава 8.	81
Глава 9.	91
Глава 10.	101
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Глава 1.

От автора: Добро пожаловать в продолжение... Буду рада любому отклику... Звёздочкам, комментариям) Тут мы точно будем кататься на американских горках... Скучно не будет)))

Олеся Ветошникова

Два года спустя...

– Два капучино, латте, три цезаря, два сырных супа, один суп-пюре брокколи, всё верно?

– Да, спасибо...

– Хорошо. Время приготовления пятнадцать минут, постараемся побыстрее...

Исчезаю из зала на кухню и передаю поварам информацию о заказе. Чуть не сбиваю с ног другого официанта, что уже стало для меня привычкой и форменной наглостью...

– Лесь, блин...

– Извини... Пожалуйста, извини, Стёпа, я такая неуклюжая...

– Всё норм. Сама как? Порядок?

– Да... Всё хорошо...

– И врёт... Синяки под глазами, – смотрит он прямо на меня. – Опять не спала? Зубрила до самого утра?

– Знаешь... На медицинском сложно... Я пытаюсь совме-

щать. Обещаю, что буду лучше стараться... Только не жалуйся на меня Альбине... Пожалуйста, – смотрю в сторону администратора, и она тут же поворачивается на нас, словно у неё детектор срабатывает, и мы разбегаемся в разные стороны. Он подмигивает мне издали, а я иду дальше работать. С этим тут строго. Стоять без дела нельзя...

Меня и так кое-как приняли сюда с лета. Тут удобно, общежитие рядом. Всё официально... Нет подводных камней... И скандалов тоже нет.

Гораздо тяжелее работалось в «Триумф» во время школы... Хотя там всё было и через разрешение опеки с официальным договором, но настолько было тяжело, что сменя брала мало... Экзамены, депрессия... Осознание, что всё ушло куда-то под откос, сильно тормозили... Мне повезло, что дядя Андрей ничего с меня не требовал. Никогда.

Я покупала продукты, а Варя всё время ворчала на меня, чтобы я прекратила тратиться и что-то взяла для себя самой... Но мне ничего толком не хотелось... Хотя жилось нам втроём весело...

Гораздо спокойнее и легче, чем с родителями... Отец даже в суд не явился. Встретились глазами с матерью... И я ничего не почувствовала тогда. Даже жалостью не просквизило... Быть может, просто переболело. Я её опустила... Мысленно поняла, что она психически больна и ей нужна помощь.

За то время, пока всё происходило, пока мы искали пу-

ти... Мы столько справок насобирали. Прошли через ад. И мне некогда было скучать... А ещё мне очень нравилось наблюдать за тем, как развиваются отношения Вари и Миши Соболева... Он ухаживал за ней с самого первого дня, когда мы вышли на учёбу после зимних каникул. С каждым днём всё сильнее. Но она почему-то стремилась всё больше времени проводить со мной. Удивительно, что он её понимал... Потом у них всё случилось... Завертелось. Она делилась... И мне было так тепло вспоминать те моменты, когда сердце работало на всю катушку... Когда оно гоняло кровь по организму, словно заведённое, стоило увидеть глаза Тимура или его улыбку... С тех пор два года прошло, а я до сих пор вспоминаю... Будто и не было этой разлуки. Будто всё ещё люблю с прежней силой или даже больше... Не знаю, что это... Я бы давно его нашла снова... Я бы хотя бы извинилась...

Ведь он столько раз мне снился... Бессчётное количество раз. Да и до сих пор иногда... Чувства сильные, необъяснимые ничем обыденным и физическим очень сложно выкинуть из головы... Они же как влитые... Уже часть меня...

Но что-то внутри всё же замкнулось, когда через месяц после такой нелёгкой разлуки я увидела его в сети... Тогда время на секунду другую застыло... И я вся покрылась мурашками от волнения... Но очень скоро поняла, что сообщения от меня он так и не прочитал. Потом удалил меня из друзей. Я наблюдала за этим и понимала, что это рано или поздно должно было случиться. После на его аве появилась

фотография женской попы в нижнем белье... И я болезненно отреагировала, конечно. Сразу как под дых долбануло... Или того хуже... Прошлось лезвие по сердцу...

Долгое время я ещё заходила... Видно было только как девочки пишут ему сообщения под этим фото... То одна, то другая... С периодичностью в неделю или две... Они там даже ругались за его внимание... И они явно были с ним знакомы, потому что называли его именно Тим и писали что-то вроде «не могу дозвониться до тебя, когда тебя ждать, я скупаю». Что-то такое... Но я уже не вдавалась в подробности...

Я перестала интересоваться, наверное, через полгода окончательно... Больше не заходила к нему на страницу... Сама ничего никогда не выкладывала. Мне было некогда... Да и жизнь моя крутилась вокруг проблем снова и снова...

Всё сложилось так, как должно было сложиться. Мы оба к чему-то пришли...

И это наше «Только ты» осталось тёплым, наверное, самым лучшим моим воспоминанием о чувствах.

Парней у меня так и не было... Не знаю даже почему. Сколько бы Варя не просила меня начать жить полноценно и заняться своей личной жизнью, не получалось... Все мысли крутились только вокруг учёбы и желанием практиковать где-нибудь... Но первокурсников и второкурсников на практику подобного рода не брали, конечно... Поэтому я и пашу в этом ресторанчике неподалёку. Тут порой бывают хорошие чаевые... Да и коллектив относительно дружный. Меня всё

устраивает...

С Варей по-прежнему встречаемся, гуляем, болтаем, вспоминая школьное время, но обычно только по выходным, конечно. Сугубо из-за занятости. Когда мне только-только стукнуло восемнадцать, я с её разрешения поменяла фамилию на Ветошникова... Мне ведь никогда не нравилась моя прежняя... Она напоминала об отце... И я скинула её как балласт... Как то, что хранило негативные воспоминания... Зато стала Варе и впрямь как сестра.

Она даже гордится мной из-за этого... Дядя Андрей только посмеялся, но сказал, что всегда будет рад видеть меня у них дома. Он – замечательный человек. Один из лучших мужчин, коих мне удалось лицезреть в своей жизни...

В августе мне исполнилось двадцать лет. Посидели втроем. Я, Варя и ещё одна моя новая подружка с университета. Маргарита... Но я называю её коротко – Марго... Она сама так просила, к тому же она реально вылитая Марго. Ей подходит... Хорошая, весёлая... Звонкая, как колокольчик. Как Варя шутит, она передала ей функцию по вытаскиванию меня из ракушки, пока сама занята своей учёбой на юриста и жизнью с Мишей...

Я ведь всё чаще стала замыкаться в себе. Потому что когда живёшь на автомате, почти ничего не радует. Только хорошие оценки и душевный покой от того, что ты в безопасности в стенах общежития.

Моя смена до девяти вечера... Бегаю туда-сюда, как сай-

гак, и мечтаю ничего не разбить или не ударить никого... А то всё время косячу из-за недосыпов. Хотя на потоке я одна из лучших... У меня даже результаты ЕГЭ принимали с особенным отношением. Потому что наша классная руководитель Аллочка похлопотала за меня через знакомых. Спасибо ей. Дай Бог долгого здоровья... Помогла... Реально впряглась за меня и, когда они увидели, какие у меня высокие баллы тут же выдернули меня с руками. Всё получилось...

Ах, как я радовалась тогда... Как вспомню...

На эмоциях написала Тимуру ещё одно две тысячи первое сообщение... О том, что я поступила. Что я очень люблю его и скучаю, несмотря ни на что... Потом, наверное, часа три плакала. Просто от перегруза... Эмоции давили. Распирали грудную клетку...

Я ведь знала, что ему всё равно на моё поступление и вообще...

Но что я могла сделать? Просто перетерпела... И потом, как обычно, недели на две перестала выходить на связь вообще. Даже с Варей... Вот она и искала меня, вытаскивала из этого состояния... Даже, когда я уже жила отдельно...

А сейчас после смены, пока надеваю на себя свой тренч, мой телефон звонит в кармане, заставляя отвлечься.

– Да, Варь? Выбрала фасон? – смеюсь, ведь знаю, как для неё это важно...

– Малыш, насчёт послезавтра не получится, к сожалению... Если только ты с нами сходишь...

– Сейчас, погоди, Варь... Сейчас, – чуть отвожу трубку от уха и прощаюсь со всеми. – Пока, ребят!

– Пока, до завтра!

– До завтра... Да... Варь, – снова подношу к уху телефон.
– Что ты говоришь? Куда?

– Сначала на похороны... Там буквально час или полтора часа, сколько вся эта процедура проходит... В поминальный зал мы с Мишей не пойдём... Но там надо быть на кладбище...

– Блин, а кто умер? – хмурюсь, выходя на улицу и поправляя свою широкую штанину брюк, которая зацепилась за подошву.

– Товарищ старый Мишин какой-то... Кажется, его звали Костя...

– Жаль как... А что случилось?

– Да он военный был... На задании умер, точнее, боролся ещё, но всё же умер... Всего двадцать лет, как нам... И уже в зоне боевых действий...

– Боже, как ужасно...

– Да... Ужасно... Так вышло... Подорвался, как я поняла... Просто... Миша говорит, что давно его не видел, но сходить надо... Его тут будут хоронить на нашем кладбище, потому что он отсюда... Мама его ждёт...

– Я поняла... Я без проблем схожу с вами, раз это важно...

– Хорошо... А сейчас? Всё нормально?

Неожиданно я слышу шаги позади и резко оборачиваюсь.

– Господи! Стёпа! Ты меня напугал...

– Прости, – ржёт он, притормаживая. – Ты просто по телефону говорила, я не стал мешать... Хотел проводить... Темно уже. Ладно?

– Кто это там? Опять Степан этот? – издевается Варя в трубку.

– Да... Я в общем... Варь, я перезвоню тебе, – сбрасываю звонок и смотрю на него. – Ну тут же совсем близко, я бы и сама...

– Пойдём, Лесь... Реально темно. Смотри какой переулочек жуткий...

– Лаааадно, – соглашаюсь я, и мы вместе следуем до моей общаги, располагающейся через два двора. Порой он реально напрашивается на такие прогулки... И Варя ворчит, потому что считает, что официант мне совсем не подходит... Но если честно, мне всё равно насчёт его рода деятельности. Ведь главное, что внутри к нему пусто... Как было, так и есть.

– Ну а ты... Не хочешь сходить в кино, например? – выдирает он меня из мыслей, когда мы уже подходим к крыльцу.

– Стёп... Мне некогда даже спать... Сейчас я буду писать курсовую... Заранее хочу начать, потому что точно не смогу потом...

– О том, как препарируешь лягушек? – смеётся он, а я улыбаюсь. Вот дурак.

– Ну вообще... Тема моей курсовой «Оптические сенсо-

ры для диагностики бактерий», но спасибо, что спросил, – отрезаю язвительно, и он аж в лице меняется.

– Вооооу... Я понял... Ты наконец научилась затыкать... Круто вышло... Показательно...

– Да я вообще-то и не планировала... – отвечаю, пожав плечами. – Ладно, Стёп... Мне бежать надо, правда...

– Ну... А обнять на прощание хотя бы можно?

Смотрю на него и вздыхаю. Если чисто по-человечески, мне жаль его... Он уже, наверное, сотую попытку предпринимает... А я всё никак не могу...

– Можно, конечно...

Объятие происходит, длится недолго, но и не секунду, а внутри всё равно... Ни-че-го... Будто и не обнимались вообще.

– Пока, – торопливо разворачиваюсь и исчезаю в дверях... Следую в свою комнату, иду в душ. Достаю книги и открываю ноутбук, который, кстати, не так давно купила на свои деньги... Наверное, первая моя полезная и дорогая покупка...

Начинаю заниматься учёбой, как и всегда...

Послезавтра мы с Варей планировали пойти и выбрать ей платье, ведь Миша сделал ей предложение...

Но раз такое дело. Раз ему нужно проводить в последний путь дальнего товарища... Я побуду там с ними...

Смерти я не боюсь... Ровно, как и похорон...

Ведь порой и жизнь бывает намного страшнее, к сожалению...

нию...

От автора: Как изменились наши детки через два года...

Леся и Стёпа:

Леся и Варя:

Ну и конечно же... Тим...

Глава 2.

От автора: Сегодня в качестве бонуса ещё одна глава

Олеся Ветошникова

- Доброе утро, Савицкий...
- Доброе... Как настроение?
- М-м-м... Прекрасное... А твоё?
- Самое лучшее. Не хочу, чтобы это заканчивалось...
- Оказывается, с тобой так приятно спать...
- И мне с тобой, Лесь... Очень приятно... Чтоб ты знала...

Мне стоило огромных ресурсов не снять с тебя штаны ночью...

- Сейчас, ага... Ты этого точно не скоро дождёшься...
- А вдруг?
- Тиийим... Я тебя...
- Лееесь...

Я открываю глаза, расстелившись щекой на столешнице, чувствуя его дыхание на своей шее... Мурашки, такие восхитительные... Вновь.

И даже не смущает, что всё тело затекло. Я вчера снова так уснула, возле ноутбука... Ладно хоть не проспала и то хорошо.

Иду принять душ и собираться на лекции. О том, что снилось стараюсь не думать... Потому что это, очевидно, снова

какая-то атака организма на моё подсознание. Пора бы уже забыть, а я всё рисую что-то... Додумываю... Вспоминаю...

Как же глупо.

Ведь он давно забыл, а я всё мучаюсь, пытаюсь вылечить эту хворь. Но тут и медицинское образование не поможет... Когда болит душа, бесполезно сопротивляться...

На первой же паре по Биохимии немного перекидываемся парой фраз с Марго, но преподаватели в университете очень строгие и требуют дисциплины, поэтому мы тут же замолкаем и продолжаем записывать.

Поговорить удаётся только в перерыве.

– Ну как вчера смена прошла?

– Хорошо... Стёпа опять провожал... И даже... Ну... Обнял на прощание...

– О-о-о, бедолага, – смеётся она, пока мы поднимаемся на третий этаж по лестнице.

– Я знаю... Не понимаю, как я должна его отшить? Варя говорит это просто... А я... Нам же ещё работать вместе. И он не нападает. Совсем милый... Боюсь его обидеть.

– Не знаю. По мне так лучше сразу... А то дообнимаетесь до первого секса, – хихикает она, а я цокаю.

– Ага, конечно.

– Конечно! Тебе уже пора! Двадцать лет, а на уме одна учёба... Лесь...

– Да я всё... Как-то...

– Ты до сих пор о нём думаешь, да? – тормозит меня на

лестничной площадке.

– Бывает... – опускаю взгляд.

– Хотела бы я его увидеть... Но ты не показываешь...

– Так у меня и нет ни единого фото... Помнишь же ту историю с моим телефоном и отцом... Он всё забрал. Старый мой телефон тоже остался у них... Так что... Социальные сети... Сто лет не заходила к нему, если честно... Может, что и выложил...

– Ээээх, – вздыхает она, приобняв меня. – Не грусти. Вон смотри, как Кирилл на тебя пялится...

– Ага... Это на тебя.

– Ну нет же...

– Да же...

Так и спорим до самой аудитории... И теперь меня не отпускает мысль... Вдруг он и вправду что-то выложил о себе... Хотя бы фотографию или какую-то запись... Хоть одним глазком на него посмотреть... Быть может, и женился уже?

Украдкой под столом лезу в сеть, а после поиска понимаю, что его страница и вовсе удалена... Интересно, почему... Сразу же сердце начинает биться сильнее, и кровь внутри разгоняется... Наверное, он создал новую...

Господи, Леся. Хватит уже... Два года прошло. У него своя жизнь, у тебя своя... Сколько можно тосковать по его запаху... Сколько можно искать его в каждом встречном? Это уже не смешно... Это что-то за гранью. Нужно жить

дальше...

Но сколько бы себя не уговаривала, сколько бы не строила защитные механизмы, ничего не работает... Нет да нет, всплывает. И щемит за рёбрами с новой силой.

Неожиданно телефон издаёт вибрацию, и я от испуга роняю его на пол. Глухой удар звучит на всю аудиторию, а я тут же вжимаю голову в плечи.

– Извините...

– Тсссс, – издаёт преподаватель, я поднимаю телефон и мельком смотрю на экран.

Стёпа Казанцев прислал Вам новое сообщение.

«Доброе утро, красавица. Давай перед работой встретимся прогуляться... За полчаса. Мороженым угощу».

Боже... Как же мне стыдно.

Леся Ветошникова: «Извини, не получится. Я тютелька в тютельку прибегу».

Стёпа Казанцев: «Жаль, ладно. В другой раз».

Марго поглядывает и явно замечает сожаление на моём лице... Рассказываю я ей в чём дело только после того, как мы освобождаемся. И я соврала ему, конечно же...

Ничего подобного. Мне до работы ещё два часа времени.

– Пойдём... Пойдём, пойдём, – тащит она меня в сторону торгового центра, и я смеюсь.

– Ну, куда?!

– Купим тебе платье! К примеру... Или просто пройдемся... А твоего этого Стёпу... Я, как и Варя, не желаю с тобой

видеть...

– Да? И почему?

– Потому что ты... – оборачивается она ко мне и убирает прядку волос мне за ухо. – Заслуживаешь лучшего... Пони-маешь?

– Ага... Конечно, – смеюсь, а она закатывает глаза. На самом деле меня веселит как они поднимают мне самооценку... По очереди... Наверное, у них какой-то специальный чат, где они обсуждают, как найти для меня подходящего парня...

Потому что пока идём, Марго постоянно рассматривает разных особей мужского пола и по очереди машет ручкой, привлекая внимание.

– Прекрати... Это ужасно.

– Почему? Смотри какие симпатичные... А вон там... Блииин... Военные... Обожаю военных... – выдаёт с при-страстием Людмилы Свиридовой из «Москва слезам не верит».

– Да? По тебе прям незаметно, – смеюсь я, а она уже выпятила весь свой третий размер груди вперёд и чуть ли не честь им отдаёт, хотя они даже не смотрят в нашу сторону. Взяла, так сказать, на вооружение, чем можно активнее привлечь внимание нашей «элиты»...

И пока я хохочу, мой взгляд неожиданно натывается на короткостриженный тёмный затылок среди них. Не знаю, что так простреливает... Но внутри будто колокол звенит. Си-

рена... Аварийные сигналы, прорезающие ушные каналы до самых мозгов. И всё кружит... Будто я сижу на карусели...

Широкоплечий высокий парень лишь немного поворачивает голову, острие гранённых скул притягивает взгляд, а у меня уже все жизненные показатели свелись к нулю... Я дышать толком не могу. Ухожу на дно... Замыкает так мощно, что за рёбрами трещит.

Нет... Мне показалось. Этого точно не может быть.

У меня уже паранойя, и я на глазах бледнею, теряя их из виду. И ноги подкашиваются... Я почти оседаю, складываясь чуть ли не впополам.

– Лесь, ты чего? – перехватывает Марго за руку и помогает мне выстоять. – Всё хорошо?

– Да... Да. Показалось просто.

– Ладно... Идём тогда? Выберем тебе что-нибудь?

– Давай лучше тебе, – настаиваю, и она активно кивает, начав рассказывать, как давно хотела купить себе розовые кеды и белые гетры. Но сердце моё в этот момент всё ещё носится внутри, словно его электрошокером ударили...

Мне кажется, мне нужно как-то завязывать думать о нём. Это уже действует пагубно. А вдруг в следующий раз я грохнусь откуда-нибудь... Если Марго не окажется рядом... Это же вполне может быть.

– Как тебе это? Чёрное красивое... Но... Вот это...

Мы уже час торчим в этом бутике... Кеды она уже купила, а теперь решила примерить платье благородного синего

оттенка. И мне тоже нравится, как оно на ней смотрится.

– Вот это... Тебе прям очень идёт, да, – вытаскиваю я телефон и вижу сообщение от Вари. И тут же вспоминаю. – Блин... Чёрное... А что мне чёрное надеть? На похороны завтра... Я уже и забыла... Пальто у меня есть... Брюки...

– Купи вот это. Оно строгое. И стоит недорого. Тебе пойдёт. Померь... – снимает она с вешалки симпатичное миниатюрное платье-футляр.

– Недорого... У нас относительно разные представления об этом, – улыбаюсь я, глядя на ценник. – Хотя и вправду недорого... Ладно, померю...

Из примерочной выхожу достаточно быстро. Рукава три четверти. Сверху всё закрыто. Длина... Чуть ниже колена, миди. И совсем небольшой вырез сбоку. Фигура моя немного изменилась за это время. Где нужно выросло... Талия, слава Богу, осталась прежней.

– Не вульгарно? А то в обтяжку...

– Во-первых... Никто не покупает платье на один день... А во-вторых... Ты будешь в пальто... Сама сказала, – парирует Марго в ответ. – К тому же... Тебе очень идёт, оказывается. Не думала, что блондинкам подходит чёрный... Для меня открытие... И фигурка... Топчик. – подмигивает она мне, заставив улыбнуться.

– Ай, ладно. Возьму... Хоть и не понимаю вообще зачем туда иду. Похороны не люблю...

– Так не иди... Встретиться с ними после...

– Нам нужно кое-что обсудить с Варей... И получается, что у нас будет всего час в магазине. Мы просто не успеем...

– А на похоронах обсуждать такое невежливо! – смеётся она, и я вздыхаю...

– Не то, что ты подумала. Не свадьбу. Другое...

– А... Ладно... Я не лезу, – тут же отворачивается она. И я думаю, что обижается, но дело в том, что это Варино личное. И весьма сложное. Поэтому я не имею права делиться с другими, пусть даже близкими людьми.

– Не обижайся... Спасибо, что помогла выбрать платье, – обнимаю её сзади, и она улыбается.

– Да ладно. Чё мне обижаться? Не хотите со мной общаться...

– Ой да иди ты, дурочка! Где мы показали, что не хотим?!

Она только смеётся, а я начинаю реально чувствовать вину... Которой и так слишком много в моей жизни, к сожалению...

После мы немного гуляем... И я всё ещё ищу в толпе знакомые чёрные глаза под гущей тёмных густых ресниц... Открытый тёплый взгляд и ямочки на щеках... Но не нахожу.

На работу прибегаю вовремя.

Стёпа встречает улыбкой, а я роняю стеснительный взгляд в пол, пытаюсь поспешно натянуть на себя фартук, но руки как не мои. Не слушаются. Кажется, нужно было хотя бы поесть перед этим...

– Давай помогу, – подходит он сзади и перенимает вязки.

– Спасибо... Я бы сама...

– Да у тебя руки от усталости трясутся. Не ровен час, завалишься прямо в зале... Во сколько спать хоть легла?

– Нормально легла... Поспала даже... – задумчиво отвечаю и беру в руки поднос с блокнотиком. – Всё. Готова. Пошла...

Рабочая смена начинается с четырёх и сегодня длится до одиннадцати. В этом плане очень удобно. По семь часов. И я всё успеваю, и могу гнуть свой график, как захочу. Мы подстраиваемся друг под друга всегда... Особенно, если заранее планируем. Сегодня пятница. Похороны в субботу и у меня выходной.

– Один «Лимонный микс» 500 мл и брусничный чизкейк, всё верно?

– Да, спасибо, девушка.

– Время приготовления десять минут, постараемся побыстрее...

Бегу принимать следующий заказ. Сегодня все как с цепи сорвались. Зарплатный день? Ретроградный меркурий? Заведение на ушах стоит... И мы, разумеется, ничего не успеваем. А у меня от усталости уже побаливают ноги.

– Давай сменю, посиди, – бросает Стёпа на кухне.

– Но...

– Лесь, посиди пять минут. Там много людей за девятым. Я сам приму.

– Ладно, – соглашаюсь, а он исчезает... И тут за меня ста-

рается. Чувствую себя неблагодарной гадиной. Хорошо, что сегодня у Альбины выходной, и менеджер сегодня Олег. Он вообще спокойный. Но мы редко совпадаем графиками.

Варя Ветошникова: «Как тебе?»

Присылает платье. Красивое... Я никогда не фантазировала о свадьбе. А вот моя Варя делала это с самого детства. Всё примеряла на кукол... Шила что-то сама... Показывала мне, делилась... И мне радостно, что она эту мечту всё ещё хранит...

Леся Ветошникова: «Тебе очень подойдёт, малыш. Мне нравится».

Варя Ветошникова: «Ты разве не на работе? Думала после согласишься».

Леся Ветошникова: «На работе, немного плохо стало. Усталость копится. Присела на пять минут».

Варя Ветошникова: «Боже, береги себя... Может не стоит тогда завтра идти? Лучше отлежаться?».

Леся Ветошникова: «Может и не стоит. Посмотрим».

Сворачиваю экран и иду дальше работать. До одиннадцати кое-как справляюсь... Потому что, признаться честно, и впрямь начинаю замечать, что меня даже уже на курсовую не хватит. Неделя выдалась очень сложной... Дико хочется спать.

Стёпа снова идёт провожать, и на этот раз даже придерживает меня за локоть, потому что я пошатываюсь.

– Извини, что так...

– Я переживаю за тебя... Искренне, Леся. Отдыхай... – бормочет он себе под нос как мантру.

– Всё нормально. Посплю сегодня и пройдёт, – уверяю я его.

– Завтра какие планы?

– Ну... Похороны одного знакомого... А потом я встречаюсь с подругой. Мы едем выбирать ей свадебное платье...

– Ничего себе разнополярные занятия...

– Да, ты прав... Просто на самом деле я неправильно выразилась, этот человек не был нам знаком... Мы идём из-за будущего мужа моей подруги... Так надо, – сообщаю я, когда уже подходим к крыльцу.

– Что ж... Понял... Может... Когда-то ты... – ловлю его взгляд своим и как-то неловко перебираю ноги... А Стёпа, вероятно, принимает это за какую-то другую реакцию. Тянется к моим губам, чуть согнувшись. Он ведь тоже относительно высокий... Как мой Тимур... Мой? Абсурд... Давно уже не мой... В груди сразу режет от этих мыслей. И сразу же кровоточит...

Выдыхаю и резко подставляю щёку. Он чуть касается её, а я цепенею на несколько секунд, после чего начинаю копошиться в сумке в поисках ключей.

– Лесь... Посмотри на меня... Лесь...

Убегаю, прислонив ключ к двери и нырнув внутрь...

Какая же память – подлая стерва... Я же помню даже колючесть его щетины... Мягкость губ и жадность прикосно-

вений... Я помню всё. По телу снова проносится какой-то жестокий бьющий в самый центр импульс...

Я залетаю в комнату, не обращая внимания на соседку, и падаю плашмя на свою кровать, начав истошно рыдать в подушку...

Кажется, мне никогда не ощутить чего-то похожего... Ни к кому на этом свете...

Тим, я умоляю, прекрати мерещиться мне повсюду...

Глава 3.

Тимур Савицкий

Мы двигались на северо-запад. В ходе гуманитарного разминирования одного из населённых пунктов на назначенном разведкой направлении уничтожали неразорвавшиеся снаряды и гранаты, оставленные противником.

Как обычно, работали быстро, чётко и слаженно. Обезвреживали в основном вручную, поскольку сроки не были установлены, но бывало, что командование отдавало приказ использовать взрывчатые вещества.

Не знаю, за какие такие заслуги, но нас с Костяном ещё в армейке называли химиками, а порой и вовсе звали сокращённо «Тико», не разделяя. Якобы мы лучше всех в десантуре шевелили мозгами, разбирались в разного рода жидкостях и веществах. И вечно тусовались вместе. Порознь почти никогда.

Тимур и Костя – два закадычных друга, расхреначивших друг другу рожи при первой же встрече. Слово за слово... Защитный механизм. Почти через полгода уже были не разлей вода... В спецназ на боевых попали уже позже. Нам предложили... Заключение контракта на год... Оба понесли в итоге. Меня ничего нигде не держало. Его тоже... Кроме матери, которой он отправлял деньги. Она у него была небогатой, болела... И ждала дома, конечно... Целым и невреди-

МЫМ...

Мои были против, естественно... Мама вообще встала на дыбы, но это был единственный способ перешагнуть то, что со мной в итоге стало... Измениться и начать жизнь с чистого листа...

Ибо в один момент всё и вправду пошло по пизде...

– Тимур, просыпайся... Эй... Тимур, блин!

– Чё... Отвали...

– Тимур, это я. Отец...

– И святой дух... – бормотал я себе под нос, пока он не поднял голос и не заорал на всю квартиру. Сразу как водой ледяной окатили. Я ненавидел, когда он повышал тон.

– Вставай, щенок! Что ты творишь со своей жизнью?! А ты кто такая? – спросил выползающую из-под моего крыла шкуру. Кто она? Понятия не имел. Помнил только, что трахал всю ночь после тусы, которую устроил в честь перевода в новую школу. Больше вообще нихера не помнил. Пустота.

Привстал. Открыл глаз – повело. Решил, что разговаривать лёжа не такая уж плохая идея, потому что вообще не мог держаться. Будто позвоночник вынули, и башка нещадно трещала.

– Бать, вот чё тебе надо? Я же учусь, как просил...

– Ты на квартиру посмотри. Я тебе для этого её снял?!

Осмотрелся и посмеялся.

– Нормальная квартира, кстати... Мне вкатила, – нашу-

пал кружевные трусы на кровати и бросил в девчонку. – Э! Забери!

– Спасибо, – пробубнила и улыбнулась на прощание. Сбежала, а батя так и продолжал смотреть на меня косо.

– Тимур, бери себя уже в руки...

С того случая... С нашего расставания с некой «О» прошёл примерно месяц. Так я её отныне и называл. Ни видеть, ни слышать не желал. Тупо вычеркнуть.

И не за то, что не договаривала, а из-за того, что я душу ей вывернул, а она меня без зазрения совести решила прикопать поглубже... Сначала не верил... Порывался узнать откуда эта бумага, пока отец не подтвердил, что видел её там с родителями, что она даже не поинтересовалась, что со мной. Наверное, в этот момент в башке что-то щёлкнуло... Походу, особый вид мины, разработанной специально для меня. Потому что основные обезвреживать я умею... Любые противопехотные, противодесантные, противотанковые, по любому принципу срабатывания или типу поражающего действия. А вот ту самую в груди за рёбрами до сих пор не смогу.

Сразу же решил послушать родителей и брата... Уехать в другой город. Подальше... Да вот незадача. Влился уж больно хорошо. По венам понёсся спирт.

Стал бухать, трахать всё, что движется. Было как-то похуй. Вообще.

И на сообщения, которые увидел спустя месяц, решив

зайти в сеть... Едва просмотрел четырёхзначную цифру напротив её имени, сначала резануло. Заскулило в груди выпотрошенное сердце. Я втянул поглубже и выправился. Вышел... Оффнулся.

Зашёл через пару часов уже в бухом состоянии... Нажал на кнопку «удалить». Сменил аву на жопу какой-то шмары, которая скидывала мне как-то в приватку свои нюдсы. Так было надёжнее. Выставить баррикады, чтобы больше никогда не писала. Чтобы и не напоминала о себе. Выжечь. Вырвать с корнями, будто и не было вовсе.

И всё застыло. Вокруг... Словно образовался вакуум. Алкашка не лечила... Отец читал нотации из раза в раз. И я, честно, кое-как с горем пополам сдал вшивые экзамены, якобы для поступления... Тогда срach с батей вышел на новый уровень. Ведь я нихрена от жизни не хотел... Кроме как деградировать... Поставил ему условие.

– Тогда армия.

– Какая, нахуй, армия, Тим?!

– Обычная. В которой ты не был...

И всё... Пошёл.

По физ подготовке и состоянию здоровья сразу определили в десант. Вес и рост позволяли. Курить я бросил, пить тоже... Зрение никогда не подводило... По всем критериям подходил... Кроме мозгов. Не было их у меня... Нихрена на тот момент не было. Только правда, которую я всем пытался доказать...

Мать рыдала, когда услышала про армию. Чувствовал себя ещё более паршиво, чем до этого...

Но лучше так, чем портить девок направо и налево и валяться на диване оwoщем... Если бы только та самая «О» знала, как я её отныне ненавижу. Я даже думать ни о чём другом не мог. Всё пытался затмить эти мысли, а не выходило...

Каждое утро жгло в груди. Каждое пульсировало в висках... Её смехом, голосом, запахом... Порой казалось и во все вселенная потешается надо мной... Наблюдает и подкидывает ещё...

И в армии тоже всё повторялось. Все мысли о ней. О той, которая в жгуты превратила нервы. Нельзя было бухать, зато изнуpять себя было можно. Что я и делал. Бегал, подтягивался, стрелял, изучал инженерию. Подвижность в наших войсках высокая, нет времени скучать. И я активно пользовался этим. Анализировал своё прошлое поведение... Понял, что тупил и чуть не проспал свою жизнь из-за какой-то тёлки только ближе к дембелю. Да и вообще духовно поpрос. Были на то причины... И смысл был. Идти дальше. Думать, жить, работать. Переть на пролом, как там учили.

Что сразу командиры усекли, так то, что мы с Костяном хорошо знаем химию. Так и появился «Тико»... Чё-то мы с ним постоянно мутили... Заготовки, самодельные взрывные устройства.

За этот год мы с ним сблизились... Так и время проходи-

ло быстрее и какие-то решения, подсказки мы давали друг другу на протяжении всей службы.

Он знал об «О».

Не поверхностно... А прям дотошно... Вся историю, как и что...

Говорил что-то вроде «время и твою боль заберёт, дружище, всё вылечит». Прошло уже сколько...? А ни хрена оно не лечит... Да и друга у меня в итоге забрало... Лучше бы меня, а не его. Лучше бы я тогда помер...

Всё произошло под конец контракта...

Как я уже говорил при гуманитарном разминировании населенного пункта. Территория была обширная. Заступили большой группой. Среди нас были мужики опытные, которые всегда нас поддерживали. Учили уму разуму. Мы их порой батками называли.

– Соблюдаем технику безопасности. Движение по одному, держим дистанцию. Двигаемся в темпе, ребятки...

На одном из участков обнаружили неразорвавшийся снаряд. Действовали как обычно. Тем более, имели дело с самоделькой. Взрывчатка, судя по всему, была вложена и сброшена дроном. За почти год привыкли... Что-то там заело, не сработало. Нужно было уничтожать.

Заложили пластид, присоединили провода и отступили на безопасное расстояние всей группой. Не раз так уже делали... А эта приبلуда ебанула так, что вошла осколочным в спину Костяну.

Я не сразу понял. Мы рядом, блядь, были. На расстоянии в сотне метров от этой херни... Я заржал сначала, когда земля задрожала... Прокричался, высвободив дыхалку от напряжения. Обхватил его за плечо, чуть тряханул, и тут до меня дошло. Как током жилы прострелило... Он прохрипел... Расползлось по камуфляжу кровавое пятно...

Я тут же заорал во всё горло, что нужен медик...

И поначалу давали какие-то прогнозы, но...

Всё это были ложные надежды...

Мужики тогда говорили, тут раз на раз не приходится... И времени отступать дальше просто нет. Вот и залегли, пока не долбануло.

В итоге он скончался, а у меня закончился контракт. Я собирался продлевать... Своих бросать вообще не было никакого желания. Я к ним уже каждым нервом прикипел.

Но мама... После случившегося с Костей забила такую тревогу, что батя поднял все связи, чтобы меня оттуда вытянуть... Договорились, что я побуду здесь на похоронах, а после как решу...

Она просила разговора с ней... Не знаю уж, что собралась говорить... Чем подкупать собралась...

Изначально мне, сука, даже жить не хотелось... И слушать не хотелось... Но я же знал, где будут хоронить... Приехал в этот грёбаный город и бубнил себе под нос, не переставая: – Только ради тебя, брат, здесь. Только ради тебя...

Порой говорю с ним до сих пор. Как ненормальный. Мне

казалось, только он меня на протяжении двух лет и понимал... Слушал. Душу я больше ни перед кем не выворачивал. И мама, единожды спросившая у меня про «О» поняла давно, что не стоит лезть... Я уже прежним никогда бы не стал. Всё внутри высохло. Стало таким... Безжизненным и абсолютно пустым. Будто вынули что-то. Ни веры в справедливость больше не было, ни желания кому-то что-то доказывать. Дობодался. Стёр в кровь лобешник. И толку ноль.

Внутри как было месиво, так и осталось... Под плотным слоем выгоревшей души, которая таким грузом там осела, что вряд ли удалось бы сдвинуть...

На гражданке словились с мужиками сразу после возвращения. Нас шестеро сюда приехало. Мне всё было не так. Мне даже солнце светило криво.

Я здесь разве что сдохнуть планировал. Такое отношение у меня осталось к этому городу. К каждой улице... К каждому закутку, где когда-то видел ту самую «О».

И осознание, что нас должно было быть семеро... Здесь и сейчас... Долбило по внутренностям ещё сильнее...

И что-то до боли жгло затылок... Будто лазером прошлись... Оборачиваясь по сторонам, пытался сконцентрироваться на том, что собирался сделать... Так никого и не увидел, но ощущение было поганым.

Я купил красивый букет в тот день... Хоть и знал, что он ни хрена не исправит... Снял со счёта круглую сумму и поехал к Костяну домой... Точнее к его матери... Которая

встретила меня вся в слезах.

Рухнула на мои плечи... Она ведь тоже вся высохла... Глаза иссыкли. Побледнела кожа, осунулось лицо...

Я смотрел на неё и думал о товарище...

Она налила тарелку борща, а у меня кусок в горло не лез...

В итоге мы долго так сидели... Молчали больше, но что-то всё-таки вспоминали...

Ближе к одиннадцати ночи я попрощался. Двинулся в сторону дома пешком. Тупо гулял, можно сказать... Глядя на огни ночного города... Размышлял... Варился в одиночестве.

Пока вдруг не наткнулся на знакомые золотые волосы под светом фонаря вдалеке... Сотни тысяч блондинок, но именно её локоны били на поражение. Я точно знал, что это «О».

Эта боль была и будет самой сильной, что я испытывал...

Она стояла и болтала с каким-то парнем, а я даже этого не смог выдержать. Всё внутри будто АК-шной очередью прошило от и до. Особенно по мёртвому сердцу пришлось...

Я так и стоял там, пока она не убежала после его поцелуя. Думал, что как-нибудь увижу и с облегчением вздохну, отпустив. Но не тут то было.

Будто врос ногами в асфальт.

Почувствовал пульсацию внутри, словно клин клином вышибло, и оно снова внутри заколотилось... Будто бы реально ожило... Чего мне не хватало для полного самоуничтожения – это снова что-то чувствовать.

И я точно знал, что скорее сдохну, чем позволю этому случиться...

От автора: Наш Тимур в армии и на заданиях. Глава далась оооочень тяжело...

Тимур и Костя (погибший товарищ):

Глава 4.

Олеся Ветошникова

Ранним утром я просыпаюсь в раздавленном состоянии... Не потому что заболела, а потому что буквально всю ночь проревела... Поспать удалось лишь пару часов. Но я не хочу отказываться от встречи с Варей, поэтому сразу пишу ей сообщение, что всё в силе, и она говорит, что похороны состоятся в два часа дня. Встретиться договариваемся сразу там. На военном мемориальном кладбище...

Я знаю, как ей важно поговорить именно сегодня... Потому что уже вечером у них с Мишей состоится консультация по ЭКО. Они уже год как пытаются зачать малыша. Но судьба порой бывает так жестока... И у них никак не получается это сделать... А чтобы показать свои чувства к ней, Миша сделал предложение руки и сердца, сказав, что ему не важно, получится в итоге или нет. Главное, что он выбрал её как спутника по жизни... Вот об этом она и хочет со мной поговорить... Именно поэтому важен именно сегодняшний день. Ей нужна моя поддержка... Мой совет и моё одобрение...

А я так хочу для них счастья... Чтобы она ощутила себя мамой... Ведь свою потеряла когда-то... И это боль. Варя всего этого не заслуживает... В свои двадцать лет она потрясающая девушка. И любовь у них с Мишей настоящая. Уверена, они со всем справятся, и я буду крёстной их малышу...

Утром иду умываться. Заметив своё опухшее лицо с покрасневшими глазами чуть расстраиваюсь, но затем вспоминаю куда иду и думаю это нормально... Там примерно все плюс минус будут так выглядеть...

В чат со Стёпой даже заглядывать боюсь... Знаю ведь, что писал вчера, а мне так стыдно, что не оттолкнула вовремя... А потом и вовсе убежала вместо того, чтобы объяснить, что ничего у нас не получится. И чтобы забыть забыл обо мне навсегда.

Так глупо и неприятно вышло... Сама себе раны разбередила в итоге...

Всю ночь вспоминала, как Тимур меня целовал. Всю ночь мусолила по десятому кругу... Господи, Боже... Когда же он выйдет из моей головы... Порой чувство, что никогда этого не случится, и я умру в гордом одиночестве, так и не узнав, что значит быть кому-то женой или матерью... Что значит любить по-взрослому... И то единственное чувство, что я испытала в свои семнадцать останется самым сильным... Самым мощным и глубоким в моей жизни.

С огорчением проходит половина дня... Завтрак, сборы... Глажу новое платье, готовлю капронки, туфли, чищу пальто от волосков... Мои золотистые цепляются за грубый драп порой и сразу же бросаются в глаза...

По выходу из общежития, заказываю такси и беру красные гвоздики неподалёку... Сто лет их не брала... Даже на похоронах бабушки Оли...

Столько боли в этих цветах... Я даже представить не могу, что будет там... Ведь военных хоронят вроде как немного иначе... Да и к тому же... Ему всего двадцать лет было... Это же ужасно тяжело.

Заранее ставлю телефон на вибро-режим... Уже издаleка, когда подъезжаю к кладбищу на такси, понимаю, что людей там очень и очень много... Просто толпа... Офицеры, вояки, гражданские... И, судя по всему, мама этого мальчика... Боже... На ней лица нет, и она как прикована к гробу, который и издаleка видно, накрыт нашим государственным флагом в катафалке...

Толкаю руку в карман и чувствую вибрацию. Поднимаю трубку, пока выхожу из машины.

– Леся... Лесь, ты приехала? – спрашивает Варя, но я плохо слышу. Потому что вокруг шумно. Я немного опоздала из-за ожидания машины... Прорываюсь через взволнованную взбудораженную толпу... Слышу вой его матери неподалёку, перебивающий Варины слова и даже порывистый ветер, и меня как лезвием полосует от её криков... За что терпеть такую боль? Я так ей соболезнаю... Он же сын её. Её кровь...

– Да, я приехала, иду... Иду к вам...

– Лесь... Тут в общем... Тут... – бормочет она, но для меня половина слов оказываются неслышанными... Наконец я вижу их с Мишей и направляюсь чётко к ним, обнимаю по очереди... Но Варя смотрит на меня ни живая, ни мёртвая...

Кажется, даже не моргает...

– Ты чего? – спрашиваю испуганно.

Позади начинают зачитывать заслуги бойца... Ведь хоронят с почестями по закону... Офицеры несут гроб...

Я оборачиваюсь... Вздрагиваю от выстрелов в воздух...

Но на самом деле... Пугают меня не они... Не громкие звуки, рассекающие небесное полотно. Не похоронный марш, въедающийся в барабанные перепонки и оседающий там горьким пеплом... А то, что я вижу...

Взгляд... Разрывающий меня на тысячи частичек... Густые брови, сведённые на переносице. Острый, холодный как лёд взор человека, которого я когда-то любила больше жизнь и даже сейчас люблю...

Он длится примерно две секунды, а затем Тим поворачивает голову обратно и смотрит прямо перед собой... На гроб, который начинают погружать в могилу...

«За смелые и решительные действия при исполнении воинского долга награждён Орденом мужества посмертно...».

Эта женщина... Мама этого парня отчего-то виснет на руках Тимура... А затем я вижу фото на могиле среди других... Где мой Тим... Мой Тим и этот парень стоят бок о бок в армейской форме в каком-то поле... И до меня начинает медленно доходить... Всё складывается, как огромный пазл... В совсем нелицеприятную для меня картину...

– Я хотела сказать, – бормочет Варя шёпотом, ухватив меня за свободную ладонь, пока вторая моя мнёт... Нет... Изу-

вечивает стебли гвоздик, словно антистрессовую игрушку. — Оказывается, Тимур с ним служил, а потом...

— Что...

— Они на боевых вместе были... Он был ранен на его глазах... На одном боевом задании... Мина сработала... Его задело.

Смотрю на цветы. А они просто ходуном ходят, как и руки, которые их держат. Я и стою-то с трудом. Дышать не могу... Проходится по ослабленному телу высокий заряд электрического тока... Будто дефибрилятором к грудной клетке. Так и потерять сознание недолго. Значит, всё это не галлюцинации... И не паранойя... Я его видела тогда... Его... Узнала сразу же. Не зря у меня внутри сработал звоночек.

Господи, он стал военным... Он был в зоне боевых действий... Он мог сам умереть. Кишки все от этих мыслей скручивает. Да и меня саму... Словно выворачивает.

Резко начинает тошнить, а Варя смотрит на меня в ужасе, протягивая бутылку воды.

— Солнышко, ты как? Миш, прикрой нас.

— Без проблем, — закрывает Соболев своей широкой спиной, пока я буквально пошатываюсь за ним, зацепившись за Варю... Еле вдыхаю воздух... Пью проклятую воду и так внутри болит... Так болит, будто рёбра расходятся. С каждым сделанным глотком ещё хуже становится... Будто и не вода это вовсе, а кислота всё внутри выжигает.

Он так на меня взглянул... Я в этом взгляде захлебну-

лась... Ушла на дно в ледяную прорубь... Где в мгновение омертвела... Словно он ненавидит. Презирает... Господи, Боже... Что с ним там произошло? Откуда столько презрения и пренебрежения?

– Лесь... Хорошая моя... Если бы я знала...

– Всё нормально... Варь... Я справлюсь... Я поверить не могу...

– Я сама не знала. И Миша не знал... Он с Савицким не общался ведь больше. Ты знаешь... А тут, оказывается... Они с этим погибшим парнем Костей Павловым дружили очень... Им на той точке всем потом Ордена мужества дали, потому что там замес какой-то был... Они технику отвоёвывали... Остальные все вернулись... А Павлову... Посмертно дали...

– Господи...

У меня глаза слезятся...

– Варь... Он меня, похоже, ненавидит...

– С чего ты взяла? Ему больно сейчас... Не думаю, что это так... Успокойся, малыш... Миша сказал, что сейчас маму его обнимет и уедем отсюда... Хорошо?

– Я... Я, наверное... Подойти должна... Я должна, Варь...

– Лесь, – хмурится она. – Ты уверена?

– Да... Я уверена, потому что не могу я так... Он мне родной человек... Он столько сделал для меня. И тогда всё так вышло... И ты же знаешь, что я до сих пор...

– Знаю, малыш, знаю... – Варя гладит меня по голове, а у

меня внутри будто выстрелы раздаются... Подобно тем, что прошли через воздушную гладь... Будто все те пули в меня разом влетели... Я не знаю, как смогу выстоять. Как смогу дожидаться, но я буду ждать, когда смогу подойти к нему... Хоть два слова произнести...

Долго всё длится... Тимур, буквально держит её на себе, хотя женщина она крупная. И теперь вся серая... Никакая. Он почему-то одет по гражданке... Я понятия не имею, как у них положено... Кто имеет право так ходить на похороны, а кто нет... Наверное, формируется специальный состав, кто отдаёт почести и стреляет...

Но мой взор направлен только на него. Зато он больше ни единого взгляда не бросил в мою сторону. Даже не зацепил. Чётко фиксирует свой на гранитном камне...

И я ненароком думаю... Мог ли не узнать вообще? Забыть, как я выгляжу? Нет... Вряд ли...

Что-то изменилось во всём его лице... Взгляд потух, а черты стали такими сухими и грубыми... Я даже не верю, что это он... Что всё это происходит с нами... Что он здесь. Передо мной... И я могу сказать ему лично, как сожалею...

– Мой Костенька... Мой сыночка родной... Господи... Господи, упокой душу... – раздаётся с надрывом из уст матери, будто на изломе, и у меня сердце зажимает в чугунные тиски. Мне так сильно её жаль... И его жаль, я просто даже не знаю, что говорить... И... Трещит душа по швам, пытаюсь прикрыть их рваными лоскутами. Не выдерживаю этой бо-

ли. Она меня сильнее... И даже то, что стараюсь не плакать, вряд ли скрывает мой опухший поникший вид.

Как представляю, где он был... Что пережил... Что у него внутри, так вся колючими мурашками покрываюсь. Дрожу...

Как многие другие молча кладу цветы на могилу... Лишь мысленно пожелав, чтобы Господь хранил его душу... И поблагодарив за службу.

Только через час все начинают собираться в поминальный зал, а я стремлюсь в его сторону... У меня от страха живот стягивает в узел... Образуя внутри комков сплетённых намертво нервов.

Я еле иду... Но иду... Несмотря ни на что... Потому что к нему... Потому что за ним. Я бы всю жизнь шла. И ноги в кровь стирала, лишь бы догнать, найти, отыскать. И наконец прижаться, рухнув на его плечи... Как раньше... Сказать, что ничего в груди не прошло. Что всё по-прежнему тянется к нему... Но я этих его нитей не чувствую... Под сталью, что отныне накрывает мальчишечий лик, больше нет и трещины, чтобы освободить его... Он заперт внутри... Уже полностью там. Я это нутром ощущаю. Его грубую металлическую бронзовую оболочку.

Варя потихоньку следует позади меня... Подстраховывает...

Вижу его спину среди толпы в чёрном пальто и короткостриженный под тройку бритый затылок... Спешу прикоснуться... Но едва дотрагиваюсь до плеча, промолвив себе

под нос тихое:

– Тим...

Он оборачивается и смотрит на меня двумя покрасневшими. Совершенно ничего, кроме боли и гнева не отражающими... Подобно зеркалам они на моих глазах отсвечивают... Я моментально сглатываю ком внутри... И пытаюсь говорить, но так сухо выходит... И дерёт. Нещадно дерёт до скрипа... Я даже чувствую, будто кровью отдаёт в воздухе. Старый запах... Последнее воспоминание, что я рядом с ним тогда уловила... Отпечаталось ярким клеймом на подкорке. Наше нелёгкое расставание...

Хотя мой Тим всегда пах иначе... Я хочу снова увидеть то тепло в глазах... Тот огонь... И ту мальчишечью сладость...

– Тим, привет... Я... Прости меня...

Резко развернувшись на месте, он ничего мне не говорит. Лишь молча уходит в автобус со всеми, словно меня тут и не было... А меня просто колотит... Я трясусь и Варя тут же перехватывает меня подмышкой, помогая мне присесть на скамейку.

– Малыш... Посиди, моя...

– Варь... Взгляд... Он пустой... Не чувствует ничего... Зачем я только подошла... Какая я дура...

Начав рыдать, не могу остановиться. Тушь пачкает всё лицо, а Варя тем временем просто молчит, позволяя мне выплеснуть все эмоции... Сидит рядом и держит меня за руку...

И мне так перед ней стыдно... Мы ведь о её боли собирались разговаривать, а я снова со своей...

– Прости меня, Варя... Прости, пожалуйста, – вытираю мокрые щёки.

– Лесь... Ну ты чего...

– Я хочу сказать, что я очень тебя люблю... И что мне важно, чтобы твоя мечта исполнилась... Если для этого нужно ЭКО, я думаю стоит попробовать... Расскажи мне про все риски... Что и как там... Расскажи, я хоть отвлекусь, потому что просто умру сейчас... В груди давит... И только ты сможешь меня отвлечь... Умоляю, малыш...

Варя крепко сжимает мою ладонь... Начинает рассказывать... А я слушаю. Слушаю и постепенно моя боль отступает...

Мы ещё долго там втроём сидим... Я, Варя и Миша неподалеку...

И я даже представить не могу, что ждёт меня дальше...

Глава 5.

Тимур Савицкий

Когда увидел – не поверил... Я знать не знал, что Соболев с Костяном был знаком. Внутри сразу протяжно загудело. Так громко, будто набатом. Сработали все аварийные сигналы, оповещающая о том, что скоро будет взрыв и начнётся лютая ломка. Так и произошло...

Едва взглядом мазнул, меня уже самого всего размазало. Боялся, что и мать Костяна не удержу. Сам еле стоял на ногах... Душа выла вместе с ней.

А когда подошла ко мне... Когда назвала моё имя...

Там и вовсе всё вокруг накрыло ядерной волной. И понеслась моя гнилая натура крушить. Я даже смотреть не смог. Долше двух секунд не выдерживал.

Пришла... Нахуй вот она пришла? Знала, что я здесь буду? Иначе как это, сука, объяснишь? Чем? Какими законами или приметами?

Зная, что я брата лишился... Зная, что мне вообще не до её соплей сейчас... Всё равно под шкуру решила залезть...

Сел в автобус, а взгляд, словно намагниченный снова туда потянулся. Поймал копну, увидев, что ревёт, но внутри меня даже не задело вот это. Другое болело... Другое реагировало каждым нервным окончанием.

Будто гарь наружу вся выплыла... Чёртова душевная на-
кипь...

Пока ехали, всё успокаивал Валентину Георгиевну... Она
рыдала до самого зала... Да и там долго просидеть не смогла.
Увезли её. Сахарный диабет и всё такое... Стрессы вообще
не желательны... Поэтому посадил я её в такси с племянни-
цами... С двоюродными сёстрами Костяна, и она уехала.

Я выкурил три сигареты, стрельнув у какого-то мужика на
выходе...

Сто лет не курил, но сегодня внутри всё перевернулось
вновь... И смок как влитой разместился внутри вместо кис-
лорода. Заполнил меня всего. С ног до головы.

– Ты же Тимур, верно? Сослуживец?

– Брат... – отвечаю недолго думая, делая очередную за-
тяжку. Порой так сильно втягиваю, что башка кружится и в
глазах рябит.

– Он рассказывал о тебе, пока в армии был. Писал... –
объясняет он. – Я – Слава. Водить его учил... Сосед...

– Теперь понял. Он тоже о тебе говорил...

– Хороший парень был...

– Лучший...

Тушу окурок и возвращаюсь обратно. На душе скребёт...
Практически как граблями по асфальту...

Сажусь за стол с мужиками. Поминаем Костяна... Таких
людей как он поискать только... И то не найдёшь, как не ста-
райся... Он и слушал, и в бой шёл самым первым, и шутил

охрененно. Всем настроение и дух поднимал...

Не знаю, кто там на небе что распределяет, но нечестно это всё, сука... Нечестно и несправедливо.

Хлопаю рюмку и жжёт нутро... Но так приятно потом оседает... Та боль, что внутри была, приглушается... Кажется, будто рядом сидит. Чё-то опять рассказывает, напевает, фальшивит отвратно и ногти свои жрёт, будто еды на столе нет... Всегда так делал, а я его по рукам за это пиздил... Высокие у нас были отношения. Потом ржали не переставая...

Мужики то и дело рассказывают о нём, но упоминают наш с ним единый позывной...

Об «О» стараюсь не думать... Да и рюмка за рюмкой дают о себе знать... Очень скоро я вообще уже в дерьмо... Мир кружится, пространство вращается, и моя тяжёлая башка будто на подбитой вертушке падает вниз с плеч...

– Пойдём, Тим... Пойдём... С нами поедешь?

– Поеду... Хоть куда поеду...

Так и валим в какую-то богадельню... Там меня настолько разносит, что я за планетой не успеваю... И когда к нам присоединяются какие-то девахи, я теряю контроль окончательно... Там и пацаны говорят им, что мы сегодня товарища в последний путь проводили... А я уже лежу головой на столе... Но чувствую, как мне на ухо шепчет тонкий голосок...

– Поехали, красавчик... Поспишь у меня...

Башку чуть поднимаю, вижу – рыжая... Бля, рыжая – это хорошо. Главное, не блонда... В жопу всех блондинок. На-

хер. Тем более о рыжих всегда молва заебатая ходит. И про огонь в пизде, и про намокший подвал под ржавым чердаком.

– Ща... Полчаса... Воды принеси...

Кто бы не была, нормальная вроде баба... Сразу приносит мне бутыл, и я на шатающихся ногах иду в толчок высвободить организм от лишнего спирта...

За полчаса реально более-менее в себя прихожу... Жру что-то... Жвачкой зажёвываю... Отпускает...

– Пойдём?

– Мужики... Я всё, короч... На созвоне, если чё... – бросаю им, прощаясь. Мы сосёмся уже по пути на улицу... Её блядски короткое атласное платье нихера не закрывает. Садимся в такси и едем к ней на квартиру...

Она меня уже всего по пути измацала... Но и я как бы не торможу...

У меня сейчас организм на износ работает. Поэтому, оказавшись у неё дома, я жарю её везде, где можно и куда можно. Куда позволяет, а позволяет она в любое отверстие. Вот и делаю чё хочу. Не до морали сейчас и не до церемоний.

Пока хуй стоит, работаю.

А после... Всё... Меня рубит часа в три ночи... Я просто падаю без сил. Весь выебанный...

И в прямом, и в переносном смысле слова...

И перед глазами возникает крошечная темнота...

Просыпаюсь от скворчащих звуков и чувствую, что деваха готовит завтрак. На всю квартиру воняет яйцами. Я уже сто лет их не жрал жареными. А тут такой амбре...

– Доброе утро, – очевидно, услышав мои вошканья, она выглядывает с кухни в моей чёрной рубашке. Улыбается.

Я тут же иду к ней, пока она снимает с плиты сковороду. Просто приподнимаю над полом хрупкое фигуристое тело и трамбуя жопой на кухонный стол.

– Руки, – цежу, и она послушно их поднимает. После чего я стаскиваю с неё застёгнутую рубаху. Отстраняюсь, надевая на себя, и параллельно рассматриваю её сиськи.

– Думала... Возьмёшь меня... – бормочет растерянно, но я уже иду натянуть на себя брюки и свалить в закат. – Тиийим...

Прикрывая грудь, девчонка спрыгивает со стола и следует за мной.

– Ты хоть позавтракаешь?

– Не хочу...

– Почему? Ты женат, да?

– Чё? – спрашиваю, застёгивая ремень.

– Ну... Олеся... Твоя жена?

У меня, кажется, сейчас все клапаны от сердца отойдут. Чё, блядь, она сказала???? Послышалось? Я ещё сплю?!

– Какая, нахуй, Олеся?! – спрашиваю напряжённо... Это имя я уже два года не произношу вслух. Меня коротить начинает...

– Ты просто звал меня ночью её именем, – скрещивает она на груди руки и вся дрожит. Трясётся как осиновый лист на ветру. И я уже не выдерживаю...

Пру напролом, как Т72Б3 с гладкоствольной пушкой. Подхватываю на ходу, щемлю к стене. Она вся вздрагивает и ёжится. Я агрессивую, ибо она такую волну внутри подняла, что, блядь, не остановить. Накрывает с головой. И мозги как в тумане. Сейчас другое внутри властвует. Толкаю на пол.

– Раком вставай.

В ответ – растерянность и недоумение.

– Ну, хотела же, блядь, хотела!

Беру её руку, кладу на свой хуй.

– Вниз опускайся.

И минуты не проходит как я стаскиваю штаны и присовываю ей на полу её однушки. Кончить – кончаю, но на завтрак так и не решаюсь. Она молчит после этой долбёжки, ни слова у меня больше про «О» не спрашивает. Видать, выбил всё желание. Беснула не хило... До трясушки, блядь.

– Номер телефона мне дашь? – маячит возле двери, когда надеваю ботинки. – Вдруг мне захочется... Или тебе...

Смотрю на неё. Сиськи есть. Фигура вроде ничего. И мордашка милая. В принципе ебётся неплохо.

Похер... На «переждать» до новой командировки мне вполне подойдёт.

– Записывай...

Свободен, как в поле ветер. Одно не ясно... Как к матери идти... Как в глаза смотреть. Как спрятать искалеченную душу... Она же вчера мне весь день звонила, а я не брал... Сначала просто похороны, потом... Так вышло, в общем... Так давно не бухал, что жбан будто колуном раздвоили... Люто трещит.

Пешком тащусь, чтобы выбить из крови токсины побыстрее... И даже то, что палит яркое солнце на руку... Потеею, как мразь. А с потом выходит обычно всё дурное. Жаль, воспоминания и чувства не выходят. Этого внутри хоть отбавляй. Но так надёжно припрятаны под слоем дерьма, что хер кто увидит... Никогда... Никогда я это обратно не выну. Пусть лучше на кол меня посадят.

– Тимур, – встречает на пороге и тут же вцепляется в плечи. Материнский голос поднимает со дна. – Господи... Наконец-то... Сыночек... Боже...

– Мам...

– Заходи... Покушаем. Отдохнёшь... Заходи, мой родной... Серёжа даже вечером заедет со своими...

Чуть не забыл... Пока «там» был... Серёга же женился... И ребёнка они уже настряпали... Быстро всё получилось... И тот наш диалог отчётливо всплывает в памяти...

«– В семнадцать кажется, что навсегда...

– В смысле?

– В прямом, братишка... Так только кажется... В итоге... Будет и пятая, и десятая, и даже двадцать пятая...

– Ты это про еблю или чувства, понять не могу?

– Да про всё...

– Ага, советчик, блядь, херов»...

И сейчас понимаю, что всё же нашёл он какую-то свою двадцать пятую... Видимо... Может, и я когда-то найду. Но сейчас кроме дырок ничего в женщинах хорошего не вижу... Кроме матерей, естественно. Это святое. А все остальные как-то побоку.

– Раздевайся... Мой руки, сын... Давай...

Вот этого нахлынувшего потока эмоций я и боялся больше всего... С опаской захожу в этот дом... Но уже чувствую, как обволакивает... Атмосфера, память, бывшие времена...

С трудом туда ныряю... И то чувствую, что течением несёт туда, где вся боль таится... Один шаг, второй, третий...

Долго смотрю на дверь своей комнаты... Не решаюсь туда войти... Как тумблер срабатывает. Мама говорила, что ничего не трогала. Только прибиралась. А у меня...

У меня чёткое осознание, что если зайду туда – мне эмоционально придёт конец... Я там как на чердаке всё хранил. Ассоциации. Постель... Тумба... Подоконник... Каждый квадратный метр... Где она была. Где касалась меня. Где раздевалась под моим пристальным взглядом...

Это на самом деле полнейший пиздец... Спустя два года помнить, как выглядит грудь твоей бывшей, которую ты даже не трахал ни разу... Запах и вкус её на языке носить... Это ненормально. Я осознаю. Но поделаться с этим нихренашеньки

не могу. Всё же мимо прохожу, не открываю... Иду в ванную, да и там воспоминаний не мало...

Как вместе чистили зубы, кусались, смеялись... Бля... Грёбанный капкан...

Моюсь полностью... И на нервозе понимаю, что всё равно туда надо за шмотками... Хоть трусы чистые да футболку отыскать... Хотя я сомневаюсь, что на меня сейчас что-то нормально залезет... Я же больше стал. Намного, мать его, больше...

Вдох-выдох...

С горем пополам туда захожу... Темнота комнаты, ровно, как и душевный голод поглощают... Я там теряюсь... Присев на кровать, забываю зачем зашёл... Провожу ладонью по покрывалу...

И как вчера всё было... Её звонкий смех звучит в комнате... Или же в моей воспалённой черепашке. У меня так даже на заданиях было... Как ебанёт какой залп... Оглушает... А у меня вместо этого звука бабахает в мозгах её серебристый беззаботный смех.

Только услышав шаги матери за дверью, подрываюсь с места, вытаскивая из шкафа старое шмотье и поглядывая на свои габариты в зеркало... Непроизвольно головой трясу, чтобы мысли все выбросить, словно они материальные... Будто можно их с себя скинуть. Если бы так просто работало, я бы давно уже весь в шишках, наверное, ходил... А так... Цепляют они намертво, конечно.

– Тим, я там тебе вещи купила... Сбоку... Стопочкой лежат на кресле...

Блин...

– Спасибо, мам...

Как в душу глядит... Одеваюсь ходом и больше не задерживаюсь... Иду на кухню к матери...

Сажусь за стол. Она наливает мне чай, садится напротив и смотрит, не отрывая своих глаз.

– Я так по тебе скучала... Невероятно скучала...

– Я тоже скучал, ма...

– Проводил Костю? – дрожит её голос, и я сухо киваю.

– Проводил...

– Как Валентина Георгиевна?

– Дерьмово... Прости...

– Ладно... Пей чай... Сейчас разогрею еду...

Пока болтаем время вообще летит незаметно... Не знаю, как удаётся избегать напряжённых болезненных тем... Мама у меня ведь мудрая женщина. Чувствует, что если где-то перегнуть, то я сразу поломаюсь... И всё больше интересуется о будущем, а не о прошлом...

– Чем заниматься будешь? Сегодня хотя бы?

– Посплю... Башка трещит... Потом в часть поеду...

– Зачем?

– Надо, – отрезаю. И она уже не спорит. Если надо – значит, надо. И никакие уговоры на меня уже не действуют.

– Понятно... Зови, если что-то понадобится. Хорошо, Ти-

мурка?

Тимурка... Я аж улыбаюсь...

– Что, дорогой?

– Давно меня так не называла... Будто мне снова семнадцать...

– Да... – кивает она и тянется ко мне, чтобы обнять. Материнское тепло вместе с тем не просто успокаивает... Оно, конечно, лечит. Это же мама... Самый дорогой мне человек... – Я тебя люблю, мой родной... Очень-очень люблю... Пожалуйста, береги себя...

От каждого её слова сводит мышцы и чуть быстрее стучит износившийся в груди мотор...

Только минут через десять я иду к себе обратно... Знаю, что предстоит там засыпать, ведь с ночи толком ни хрена не отдохнул после похорон...

И мне уже заранее становится стрёмно...

Пока вдруг неожиданно экран моего телефона не загорается и там не высвечивается одно новое сообщение.

«Дарова, Тим. Это Миха Соболев. Мне Валентина Георгиевна дала твой номер. Есть возможность встретиться? Напиши, если остаёшься в городе».

Прошрое... Как ты нежданно-негаданно срёшь в душу... Я хуюю...

От автора: Много визуализации. Вчера специально создавала...

Тим дома с мамой:

Глава 6.

Олеся Ветошникова

В тот день мы так и не решились выбирать платье, уж больно настроение было траурное... Варя сама передумала, и мы разбежались по своим делам. Они с Мишей – на консультацию, я – обратно в общежитие...

Где меня ждал совершенно неожиданный сюрприз.

– Привет... – едва подхожу к крыльцу, как в горле снова что-то чешется. Этого мне ещё сейчас не хватало. И так перенервничала, что сердце в труху в груди стёрлось... Так вот ещё...

– Стёп... Привет... Ты как здесь?

Он отталкивается от турникета и подходит ближе.

– Тебя ждал... Поговорить... Ты ведь не отвечаешь...

– Сам понимаешь похороны и...

– Не обманывай, Лесь... Дело не в похоронах, – утверждает, но смотрит с вопросом в глазах, и я вздыхаю. Внутри всё волнуется и мечется. Я не люблю обижать людей... Но пора признаться.

– Ты прав... Не в них... – опускаю виноватый взгляд.

– Расскажешь?

– Если это имеет хоть какое-то значение...

– Наверное, имеет... Чтобы я не думал, что дело в том, что я в принципе тебе не нравлюсь...

– Как человек, конечно, нравишься, – растерянно отвечаю я. – Ты добрый и хороший... Но у меня внутри всё занято... Ещё со школы...

– М-м-м, – мычит он, задумавшись. – А кто он?

– Он... Мой одноклассник... И мы совсем недавно снова увиделись. Я поняла, что не отпустила... Поэтому я не хочу давать тебе какие-то ложные надежды. И с тем поцелуем ту-по вышло, – признаюсь я, и он огорчённо кивает, нахмурившись.

– Обидно, конечно... Я ещё никогда таких как ты не встречал...

– Таких как я? Что же ты во мне нашёл?

– Думаю... Не стоит даже говорить, – улыбается он и толкает руки в карманы. – Ну а... Если вдруг он не захочет? Если у вас не восстановится... Тогда ты дашь мне шанс?

– Стёп... Я... – пожимаю плечами. – Без чувств я не могу ничего обещать. Пойми...

– Понял, – скупое отрезает. – Ладно тогда... До скорого... На работе встретимся...

– Стёп... – произношу уже ему в спину...

Он уходит, а я смотрю ему вслед и чувствую себя самой недостойной девушкой на свете. Внутри так болит после нашей с Тимом внезапной встречи. И, если уж быть совсем честной, никаких сил нет... А я хотела писать курсовую в единственный свободный и от учёбы, и от работы день...

Но точно теперь не выйдет...

Весь вечер я думаю о том, как подошла... Правильные ли слова сказала... Задела его? Подумал ли он что я нарочно? Или увидел в глазах искренность моих намерений? Мою боль и отчаяние? Звериную тоску по нему?

Раньше он всё по взгляду понимал... Чувствовал меня... А теперь...

Теперь я даже не знаю, способен ли он хотя бы прекратить меня ненавидеть... Про всё остальное я уж и не говорю...

Уснуть мне удаётся с трудом... И то всю ночь верчусь в поисках удобной позы. То на один бок лягу – неудобно, то на другой – болит сердце... То спина затекает... То кажется, будто Тимур дышит мне в шею... Это не просто бьёт под дых... Это уничтожает. И я не знаю, как найти выход из этой ситуации.

Утро воскресенья начинается как обычно. Я завтракаю, собираюсь на работу. Сегодня смена с десяти утра до пяти вечера, а потом я полностью свободна...

Прибегаю в заведение вовремя, и Альбина сообщает, что сегодня двое не вышли...

Это Карина, она заболела... И Стёпа...

Причин отсутствия которого никто не знает. И мне становится так плохо из-за этого... Я же понимаю, с чем это может быть связано. Господи... Только бы всё обошлось...

Людей с утра не так много, но ближе к обеду уже набегают. Примерно в три часа дня коллега передаёт мне инфор-

мацию, что Стёпа написал заявление на увольнение. И это просто ужасно режет меня по внутренностям. Так и знала, что ничем хорошим не закончится. Но с другой стороны, ему так будет легче... Не видеть меня... Я бы тоже не смогла спокойно работать с Тимуром сейчас...

Когда заканчиваю, мы должны встретиться с Варей. Ещё Марго звонила, нужно обязательно и с ней связаться, но пока жду свою любимую одноклассницу, чтобы она рассказала мне всё, что им вчера сказали, и мы наконец поехали в свадебный бутик...

Мысли о Тиме уже вышли на новый уровень... Как автономный режим. Постоянно включен... И я пытаюсь заглушить в себе все эмоции, которые лезут наружу... Но Варя ведь меня знает...

Мы сидим в кафе и ужинаем, обсуждая клинику, в которую они обратились.

– Значит, все шансы?

– Да... И говорят, что я точно справлюсь... Там такой доброжелательный персонал, Лесь... Я понимаю, что за деньги, не бесплатно... Там нам и папа финансово помог... Но всё равно они очень приятные люди...

– Это хорошая новость... Сейчас таких редко встретишь, – улыбаюсь я, ковыряя десерт.

– Ну а... Кстати о приятных людях... – замолкает она и сверлит меня своими карими бриллиантами.

– Что...

– Ты, может, что-то для себя решила?

– А что я решу, Варь? Ничего...

– Понятно...

– Он, наверное, обратно уедет... Чует моё сердце, что я потеряла его навсегда... – выдаю с болью в голосе, и Варя берёт меня за руку.

– А моё сердце чувствует, что это не так... Он убежал... Просто убежал от тебя. А это значит, что там внутри ещё очень много. Иначе бы он спокойно с тобой поговорил. И улыбнулся бы, сказав, что ничего больше не чувствует, так?

– Не знаю, – качаю головой в раздумьях. – Дело в том, что он ненавидит... Быть может, я ему судьбу сломала... Не знаю... Прав был его отец, когда сказал, что я нас покалечила... И не нужно было вчера подходить... Я и Стёпу покалечила... Плохой я человек...

– Стёпу? А что Стёпа?

– Я не сказала? Он уволился сегодня... Мы вчера поговорили, я призналась, что не смогу быть с ним, потому что всё ещё люблю другого, а утром он не вышел на работу...

– Ну и фиг с ним... Самоликвидировался и хорошо. Что это за мужик такой, блин?!

– Нормальный он, Варь... Это я калечная... – вжимаю голову в плечи и ёжусь. – Тут прохладно, что ли...

– Никакая ты не калечная. Ты доела?

– Ага...

– Тогда поехали в бутик?

– Поехали...

Ох и долго мы там находимся... И выбрать никак не можем. Всё такое красивое и Варечке так идёт...

– Примерь вот это, – даёт мне в руки, а я цепенею.

– Нет... Не буду.

– Эээээх. Мне оно так нравится... На тебе бы роскошно смотрелось с золотыми локонами...

– Ну... На витрине оно тоже будет смотреться роскошно, – улыбаюсь я, убирая его в сторону. – А вот то, что на тебе сейчас – восторг... Ты очень красивая, малыш...

– Думаешь, Мише понравится?

– Блин. Уверена! Соболев от тебя без ума... А так у него вообще нет шансов, – улыбаюсь я, и Варя вдруг смотрит на меня столь загадочно через зеркало...

– А вообще... Если честно... Лесь. Ты бы хотела ещё раз с Тимом встретиться? Ну... Так если... Между нами...

Гляжу в глаза и киваю.

– Конечно... Я бы очень хотела сказать ему... Как скучаю и... Не знаю даже...

– У тебя щёки покраснели, – улыбается она, повернувшись ко мне. – Я тебя поняла... Значит, это брат?

– Ну... Если ты уверена – да... Лично мне оно больше всех понравилось.

Мы выбрали воздушное шифоновое платье А-силуэта с многослойной юбкой и шлейфом. А наряд дополнен драпированным поясом и расклешенными двуслойными рукавами

до плеч. Плюс цветочные мотивы как декор лифа... Смотрится бесконечно нежно и волшебное.

Варя довольна, и мы спокойно разъезжаемся, каждая думая о своём...

В общежитии я созваниваюсь с Марго, и она говорит, что вчера тусовалась всю ночь. Я слушаю в пол уха, а сама достаю учебники и включаю ноутбук.

– Значит, он уволился?

– Ага...

– Ну и поделом...

– Ты как Варя говоришь, – вздыхаю я. – Хотя, может вы правы...

– Конечно, мы правы! Мужик должен добиваться. И выбить из тебя любые мысли о другом! Вот какого ты заслуживаешь! – настаивает она с нотками воинственности в голосе. Порой бывает такая смешная... Ей бы викинга в мужья... Ну или того же военного, как она хотела...

– Спасибо, Марго... Я пойду заниматься... Уже поздно, и я толком ничего не сделала за выходные...

– Понимаю... Я курсач начала, но в итоге написала пару строчек, закрыла и побежала в бар, – хихикает она, а я улыбаюсь.

– Ладно... Аккуратнее будь. До завтра.

– Давай, моя...

– Целую...

У Марго своя квартира неподалёку. Родители позаботились, в общежитии она не живёт. А девочка, с которой живу я часто отсутствует... И совсем не общительная. Поэтому я стараюсь не донимать её вопросами или разговорами. Мы почти не пересекаемся. Только на самих парах.

Засыпаю я в итоге только к часу ночи... Но хотя бы не за ноутбуком на этот раз... Ложусь на кровать и смотрю в потолок, представляя, что вновь возвращаюсь в ту прошлую жизнь... И всё делаю иначе...

Открываюсь ему полностью... Всё рассказываю... Где мы находим выход из этой ситуации раньше, чем весь этот кошмар происходит...

И тогда нам не приходится так сильно страдать.

Я люблю тебя, Тим... Люблю так, что всё внутри горит.

И я по-прежнему не могу отпустить тебя, родной мой... Буду молиться за тебя, чтобы с тобой всё было хорошо. Чтобы ты наконец обрёл своё счастье...

До вторника... Я пребываю в каком-то анабиозе...

Всё как по шаблону. Учёба – работа – комната общежития... Без Стёпы на работе стало ещё тоскливее. Раньше хотя бы он меня веселил. Увидела, что удалил меня отовсюду и закрыл страницу...

Наверное, так у мальчишек и происходит... Когда хочется вычеркнуть человека из жизни, чтобы не думать о нём. Ведь Тим сделал когда-то так же...

Пары во вторник заканчиваются в шесть, и сегодня у меня нет смены, поэтому, когда мне звонит Варя... В перерыве между третьей и четвёртой, я тут же поднимаю трубку.

– Ты прям подгадываешь...

– Конечно, у нас тоже перерыв, – хихикает она. – Как на-строение?

– Ничего вроде... Мы с Марго прёмся на «Микробиологию». А у тебя?

– У меня-то прекрасное... Я как раз хотела узнать... Не желаешь ли ты сегодня сходить с нами в ресторан?

– В ресторан?

– Ага... Я, ты и Миша... Чудесная, добрая компания... Обсудим детали свадьбы... Как тебе?

– Ну... Идея в целом не плохая... Только я не буду сильно прихорашиваться... И не больше, чем на пару часов, потому что у меня...

– Курсоваааая, – тянет она издевательски. – Я помню, малыш... Значит, договорились? Название скину позже, ага?

– Ага, ага... Целую тебя, – сбрасываю, а Марго прищуривается.

– Опять без меня?

– Блииин... Там просто Миша будет... Я не знаю, что именно у них за повод такой...

Я реально недоумеваю, почему Варя не позвала Марго тоже... Но не могу же я просить её об этом... Надеюсь, мы не поругаемся теперь.

Хотя она вроде как дальше болтает, рассказывая, как её подружка нашла себе парня со званием.

– Тоже хочу, блин... И как они это делают? Хотяяяя... Говорят у всех военных блядский нрав...

– Что? Почему?

– Ну как... Они такой стресс испытывают там... А сюда приезжают спустить пар... Девочек как перчатки меняют. Даже женатики...

– Думаю, ты... Строишь какие-то свои выводы... Люди ведь все разные... Вряд ли прям все военные... Такие... Порочные... – подбираю слова, а она ржёт на всю аудиторию.

– Леська... Тебе точно пора лишаться девственности... У тебя даже от слова «порочные» всё лицо покраснело...

– Да иди ты, блин, – ворчу я, пока она продолжает хихикать...

Начинается лекция, а я пока только думаю...

Что сейчас делает Тимур? Неужели Марго права, и он приехал сюда спустить пар... Наверное, у него куча девушек...

Тогда это объясняет полное отсутствие интереса ко мне...

Чуть позже Варя скидывает мне сообщение.

Варя Ветошникова: «Баттлер, 20:00. Не опаздывай, солнышко».

И подмигивающий смайл вдогонку...

А я вздыхаю, сворачивая экран...

Посижу сегодня с друзьями, это лучше, чем снова весь ве-

чер прореветь в подушку, потому что у него ко мне не взаимно...

От автора:

Леся с Варей в свадебном бутике

С Варей по телефону, красotka наша)

Леся с Марго на паре

Глава 7.

Тимур Савицкий

Немного поспал днём, отпустило похмелье.

Хотя башка уже болела от другого. От головняков, от паразитирующих мыслей о нашей встрече. И ныло сердце по-особенному гадко. Даже мать заметила, что я в лице изменился после сна.

– Всё в порядке?

– Да... Поехал...

Она всем сердцем не хотела, конечно. Я по глазам прочитал... Но ушёл. Попрощался и выдвинулся в путь.

Приезжаю в часть. И командир смотрит на меня хмуро, очевидно, вспоминая выслушанное сверху дерьмо. Так то мы всегда зашибись общались... Со мной проблем не было, ровно вот до того грёбанного момента с возвращением...

– Савицкий... – косится в мою сторону.

– Товарищ полковник... – плюхаюсь напротив, склоняя голову, и гляжу исподлобья.

– Не смотри так даже на меня... – рычит он в ответ. – Мне хватило.

– Не повторится больше. Я обратно хочу. Продлить.

– Продлить он хочет... Чтобы мне потом товарищ генерал звонил снова? Сиди пока тебе отпуск оформлен и не рыпайся, блин.

– Меня здесь ничё не держит...

– Савицкий... Водичка у тебя тёплая не держится. Вот это могу точно тебе сказать. Вали давай. Работы много, ты тут отвлекаешь...

Только начинаю уходить, как он одёргивает.

– Стой... И это... Как там... Павлова?

Я молча пожимаю плечами. У нас тут так не выражаются...

– Ладно, – вздыхает он. – Иди... И на связи будь.

– Есть быть на связи...

В душе настоящая агония. Думал хоть с этим проблем не будет, но батя и здесь поднасрал так, что запомнили... Вытянули ведь со скандалом... Конечно, он теперь телится.

Пока гуляю по городу только об этом и думаю... Заняться, сука, нечем... Но бухать я больше не планирую. Это в круг моих интересов давно не входит. Просто похороны – дело такое... Там не только заслонки все сносит... Там уязвимый, будто лодка в шторм...

Соболеву отвечать даже не планирую. Пусть в уши ссыт кому-нибудь другому. Встретиться он захотел...

По-любому из-за неё. Рыдала там, ныла... А иначе других причин нам с ним видеться я тупо не наблюдаю...

Опять хочет внутри всё расколупать или что... Непонятно, чё ей надо...

Уже вечером в районе семи мне набирает та самая девка...

– Да?

– Тим, это Алёна...

– Алёна? – спрашиваю и пытаюсь переварить. Я же в душе не ебу как рыжую звали. – Рыжая которая?

– Ну... Да... – хихикает она. – Рада что запомнил.

– Ну и чем могу помочь тебе, Алёна?

– Встретиться не хочешь...? – спрашивает тихим голосом. Специально интонацию меняет. Я же вижу, что всё это наёбка. Притворство. Такие если на шею сядут, потом сразу характер начнут показывать. Это она сейчас ласковая и пушистая... Но это не навсегда... Хотя мне вообще насрать. Я её чисто поюзать собираюсь.

– Нууууу... Занят пока. А чё предложишь?

– У меня можно...

– Можно... Подружки есть у тебя симпотные?

Она аж тормозит сразу... Долго думает, а я, честно, угораю просто.

– Ну, есть... А ты с другом хочешь быть?

– Ага. С другом... Ты его видела... Трогала... Сосала...

Она молчит, а потом вздыхает.

– Я поняла. Ладно, позову подругу. Ты тогда... Часиков в десять подъезжай...

– Океееей, – сбрасываю и захожу в магаз. Мама хоть и купила вещей, но это не то совсем, что я хочу носить. Поэтому тут же расчехляю кошель и набираю то, что привык. Косуху, рубахи, джинсы, кеды. Рассчитываюсь и еду домой помыться...

Думаю... Я как бы двух одновременно никогда не жарил. Но в принципе, если хорошо пойдёт, могу и так. На самом деле мне вообще похрен как выбросить скопившийся внутри души шлак.

Лишь бы она язык держала за зубами впредь.

Уже к вечеру надеваю на себя новые шмотки, бреюсь, моюсь, привожу себя в человеческий вид, щёлкаю часами на запястье и прощаюсь с матерью... Ей я пока не передавал слова командира. Мало ли что изменится и меня тут же выдернут обратно... Чтоб не обнадёживать, а то у неё сердце, как всегда, заплачет.

Выхожу из комнаты и по маминому лицу понимаю, что забыл, блядь, о приезде брата с семьёй. Слышу звуки в прихожей... Бати-то дома нет, он снова в командировке в другом городе.

– Они уже приехали... Ты что не посидишь с нами?

– Блин... Посижу, конечно. Посижу...

Дела немного двигаю. Пишу мадаме, что опоздаю... Встречаю глазами Серёгу, и тот сразу тянется прижать... И как так вышло, что я стал его больше? Хер знает...

– Дарова, здоровяк...

– Привет, братулишка – братулёк, – ржу я, похлопав по спине. Его супруга стоит и молчит, держа на руках кареглазого мелкого карапуза... И по правде говоря... Меня это выхлёстывает просто... Нещадно... Будто из тела душу выбили, и эта гадина со стороны наблюдает...

– Это Аня... Наконец, хоть познакомить вас...

– Тим, – представляюсь...

– Приятно, – пищит её голос в ответ. Тоже такая маленькая... Прямо как «О»... Твою мать... Ненавижу.

Серёга перенимает мелкого на руки и несёт показать мне... И вот в этот самый момент внутри всё вообще полыхает... Я никогда не думал о детях вот прям серьёзно, но... Я столько раз намекал «О» о своих планах на неё... Что поделюсь фамилией или что она будет моей невестой... И где-то на подкорке мысленно осознавал, что если да... Если да, то только с ней...

И сейчас, когда он даёт мне его подержать. Я растерянно перенимаю его и смотрю как на гранату без чеки...

– Эм... Привет... – здороваюсь, пока он хмурит свои брови. – Сколько ему?

– Уже десять месяцев, – говорит Аня, а мама тем временем нависает и начинает сюсюкать, и я с превеликим удовольствием толкаю его в её руки, сбавив от греха подальше.

Честно, никогда ещё такой беспомощности не ощущал... Жесть какая-то. Аж ладони вспотели под страхом перед этим пацаном. Я мин-лягух так не боялся, как его держать.

– Пошлите за стол... Да, Володька? Мы же идём за стол? Бабушка тебе пюрешки приготовила сама... Представляешь?

И вот пока женский пол с дитяtkом удаляются, мы с Серёгой так и стоим в прихожей. Он смотрит на меня и тяжело

вздыхает.

– Чё как оно, брат? Реально если...

– Да как... Обычно.

– Мама сказала, ты ещё не решил... Туда или...

– Я решил. Просто мать не знает.

– Понятно, – опускает он взгляд... – Ладно, пойдём хоть посидим немного...

Немного длится часа два...

И я понимаю, что мне не хватало Серёги. Где-то даже рассудительного взгляда. Где-то идентичных черт... Поведения и отношения... Он изменился, конечно, рядом с ней...

Будто бы она что-то внутри задела... Видно, что спокойная и тихая.

До того, как они заделали Вову, работала в надзорном органе. Сама с высшим образованием. Скрамная. Мама очень тепло её встретила... И из-за этого, к сожалению, все мои внутренние ресурсы очень быстро начали стремиться к нулю...

Ведь когда-то и я так приводил... Когда-то она и на мою «О» так смотрела...

И будто коросту оторвали сейчас...

Сидеть сию со всеми, а внутри кровотоу... Даже ехать нидуа не хочется... Просто бы здесь рухнуть тяжким грузом и забиться в угол.

Но потом я всё же собираюсь по знакомому адресу... Морально готовлюсь к жёсткому пореву... Двойному...

Выдолбить всё, что внутри поперёк лежит... В том числе «О», о которой уж очень часто думаю... Да и всё, что встряло в горле за ужином с родными тоже нужно удалить, нахрен...

Но подруга моя встречает одна... Естественно. Кто бы сомневался. Не захотела делиться... Пизда с ушами. Да ещё и в таком блядском коротком халатике с кружевными приблудами на рукавах. Я вопросительно смотрю на неё... Мол «а где?». Обещала же групповуху.

– Она не сможет...

– Хах, – выдаю, стаскивая с плеч кожанку. – Ну я так и думал... А ты чем побалуешь?

– А я всем побалую, – дёргает за пояс... Разводит полы в стороны... И ебаться мы начинаем уже у неё в прихожей на тумбе...

После трёхчасового марафона я смотрю какой-то тупой фильм по телеку, залипаю, а она лежит рядом и водит своими пальцами по моей грудной клетке. Прямо как лезвием по стеклу, сука... Корёжит нервы.

– Тяжело там?

– М?

– Ну... Там... В бою...

– Нормально.

– Страшно?

– Бывает.

– А у тебя здесь... Никого что ли?

– Почему никого? Родные есть.

– А... Женщина? Вообще никого?

– Вообще.

– Такой красивый... И женщины нет... – говорит задумчиво. Чего ждёт от меня? Хер проссыт.

Сказал бы я ей, куда я ебал её мнение, но даже силы и эмоции тратить не хочу. Она мне реально нравится, когда молчит. Эдакая секс-кукла. И нихера не надо делать, чтоб потекла. Только рубаху снять, она уже ноги свои перебирает. Удобно.

– Нет да нет. И не надо мне. С тобой вон хорошо, – притискиваю её ближе, а она лыбится. Бля... Уже вся растеклась... Ведомая тупая блядь...

– Я всегда мечтала о военном... Красивом, здоровенном, – произносит с такой приторностью, что у меня её слова как сахар на зубах скрипят. И от фразы этой уже тошно.

– Ясссно, – тяну и прибавляю громкость на плазме.

– Ты надолго здесь?

– Как пойдёт. Пока не знаю. Ничего говорить не буду.

– Ээээх, – вздыхает она и целует мою кожу на груди...

А у меня от этого жеста внутри всё простреливает. Влетают внутрь осколки и даже говорить больно, а объясняться и во-все не хочется.

– Не надо так делать, – тут же дёргаюсь и накрываюсь одеялом.

– Почему?

– Просто не надо и всё...

– Ладно... Пить хочешь? – спрашивает, привстав с кровати, и завязывает на голове высокий рыжий хвост.

– Давай...

Она уходит, а я пытаюсь уговорить дурное сердце, которое ни с того, ни с сего вдруг вспомнило, что такими поцелуями меня когда-то награждала «О». Я с тех пор не позволял никому вот так лежать у меня на груди и что-то вырисовывать, целовать... Обычно сразу сваливал или отворачивался к стене... Ну максимум мог придавить собой по-пьяни, чтобы с утраца по-бырому ещё раз присунуть. А тут мне просто реально хочется от тоски выть, ибо идти некуда. Я хочу туда... К ребятам. Обратно. Мне здесь вообще всё не любо.

Днём, пока отдыхал, стоило прикрыть глаза, вообще чуть не отъехал. Потому что внезапно ощутил её запах на своей подушке. Это было так жутко на самом деле... Я весь испариной покрылся. Ведь понимал, что не может быть этого... Два года не нюхал. Да даже не два... Два с половиной уже прошло... То ведь январь был... Суровый говняный месяц, который я с тех пор буквально ненавидел... И не за колотун... А за кровавые полотна под моими ногами... За любовь, которая воткнула нож в сердце и провернула его там на сто восемьдесят.

– Возьми, – передаёт эта самая Алёна стакан, вынимая меня из своих мыслей.

– Пасиб...

Пью, жадно глотая воду... Пересохло всё уже. Чувствую, как мышцы гудят... Им физ. нагрузки не хватает. Чё мне этот секс? Но не буду же я перед ней сейчас отжиматься, правда...

Ставлю стакан на стол, а она снова ложится рядом и молчит... После чего нарушает эту тишину неловким вопросом.

– А можно... Ну, можно... Я буду считать тебя своим парнем?

Смотрю на неё, приподняв бровь и вот прям заржать хочется.

– Считай, похер.

– Круто, – по-наивному улыбается и смотрит на настенные часы. – Ты на ночь останешься?

– Посмотрим...

Тем более, уже почти четыре... Домой возвращаться – мать лишний раз беспокоить... Нахер надо... Лучше тут перекантуюсь до утра...

В итоге засыпаю с пультом в руке и когда чувствую её касания, сразу же щемлюсь к стене, уткнувшись носом в подушку... Выключает быстро, но сны снова какие-то нерасторопные...

Будит меня навязчивая мелодия звонка. С-с-сука... Десять утра, нахер... Я сплю вообще-то... Какого хера? Если это не командир... Отвечаю...

– Да? – беру на автомате.

– Тим... Дарова. Ты чё каво не ответил? Загасился что ли? – ржёт Миха, и у меня прям-таки неприятно саднит в груди... Если бы посмотрел, кто это, точно бы не взял... Но я спросонья так сделал, блин.

– Чё надо? – спрашиваю, прокашлявшись, пока рыжая рядом вошкается и жмётся к моей спине голым телом.

– Давай словимся завтра... Посидим, попиздим... Вдвоём просто, – сообщает мне, будто бы я тупой какой-то... Вдвоём, ага... Конечно, я вот прям нутром чую ебаную подставу.

Я тебе, сука, покажу «посидим».

– Ну, давай. Где, когда...

– Завтра в 20:00 в «Баттлере». Это ресторан новый...

– Ясно, найду.

– Ну всё, забились.

Он сбрасывает. Я кое-как продираю один глаз и смотрю на улыбающуюся деваху рядом.

– Ты чего? – спрашивает она с ухмылочкой.

– Да ничего... Завтра в восемь вечера ничего не планируй. Пойдёшь со мной в одно место...

От автора: Сегодня я для вас тоже много картинок сделала... И Тима в разных вариациях.

Я так безумно счастлива поддержке, которую вы все мне дарите. Спасибо)

Без тёплых слов автор чахнет, как цветы без водицы... Это истина) Поэтому хочу сказать, что вы все

мне жизненно необходимы, и каждый отзыв буквально поднимает мне и настроение, и вдохновение, и хочется творить лучше! Мощнее! Быстрее!) Обнимаю)

А Тим... Ну реально краш... Это если внешне... А что там сейчас внутри... КА-РА-УЛ!!!

Тим со старшим братом Серёгой

Тим с племянником:

Мама Тима с внуком:

Глава 8.

Олеся Ветошникова

Я даже не знаю, что надеть... В чём вообще в рестораны принято ходить? Наверное, простого платья достаточно? Я же не на свидание собралась, верно?

Не успеваю додумать, как от Вари приходит сообщение. Если честно, я порой в шоке от того, как работает наша с ней ментальная связь... Стоит подумать, а она уже пишет ответ... Так и во многих других вещах...

Варя Ветошникова: «Надень то белое лёгкое шифоновое платье».

Блин... Мы его вместе покупали... Я его ни разу так и не надела, но оно мне очень тогда понравилось, особенно его плавные волны и линии, поэтому я и приобрела... Но оно какое-то чересчур нежное... На учёбу мне не хотелось его надевать... А так повода не было... Достāju его с вешалки и смотрюсь в зеркало, прикидывая к себе... И тут даже моя соседка ни с того, ни с сего решает заговорить.

– Красивое...

– Ты считаешь?

– Да... Тебе идёт.

– Спасибо...

Любуюсь и решаю всё-таки его надеть. Благодарю Варю за помощь смайликом... А соседку – настоящей улыбкой. Воз-

можно, мы теперь хоть иногда будем общаться? А то порой слышно, как в комнате гуляет перекасти-поле...

Почти не крашусь. Только немного туши и бальзам для губ... Волосы оставляю прямыми... Я вообще изредка стала пользоваться плойкой, так и волосы меньше портятся.

После того как навожу этот эфемерный марафет, сажусь почитать перед тем, как ехать в то заведение... Как раз нужно кое-что для себя подчеркнуть по предмету...

Время за учебником быстро пролетает и нужно уже выходить. Тем более, если Варя сказала не опаздывать, значит, что-то они собираются там делать...

Отправляюсь туда на такси и, когда подъезжаю, осматриваю это шикарное дорогушее место снаружи. Очень круто выглядит. Даже боюсь представить, на сколько здесь выходит средний чек.

Но я и не планирую много есть, так что... Просто иду внутрь, снимая на ходу свой тренч. Вижу их вдалеке... Варя такая довольная. Смотрит на меня и, после того, как я убираю свой верхний наряд на вешалку, вертит вокруг оси, взявши за руку, любуясь и мило улыбнувшись.

– Покружись... Ну, красотаааа... Да же Миша?

– Что? – сразу же теряется Соболев и делает вид, что меня не замечает. А я смеюсь.

– Соболев... Можно... – кивает она, и он ржёт.

– Да шучу я... Красота, конечно... Но ты красивее, моя мармеладная, – целует её в губы, а я там чуть ли на месте от

умиления не растекаюсь.

– Боже, какие вы прикольные...

– Ага...

– Уже заказали? – сажусь за стол и беру в руки меню, разглядывая. – Невероятно хочу пить...

– Нет пока, тебя ждали...

Чувствую в Варином голосе какое-то неожиданно вспыхнувшее напряжение...

– Всё хорошо? – приподнимаю глаза, а она смотрит на Мишу с тревогой на лице... А потом её взгляд падает прямо за мою спину. И Миша метит туда же. И какая-то чуйка внутри буквально кричит мне, что всё это неспроста...

– Вы чего? – оборачиваюсь я взволнованно...

И цепенею... В ужасе... На месте...

Потому что прямо сейчас к нашему столу вальяжной походкой победителя подходит сам Тим...

И он не один...

С какой-то рыжеволосой очень откровенно одетой девушкой... Мне даже смотреть на неё сложно. Но объективно говоря, фигура у неё очень красивая... Ноги от ушей, большая грудь, и это напоказ... Всё, что я успеваю заметить, потому что потом перед глазами только огромное серое расплывчатое пятно...

– Я не знал, что он притащит кого-то, – бубнит встревоженно и разочарованно Миша, а потом я слышу знакомый насмешливый баритон.

– Дарова, звал? Ну вот я пришёл... Как фартануло, что ты тоже не один, – звучит ядовитый выплеск из уст Тима, и Варя вцепляется в мою руку.

– Леся, прости меня, – шепчет, а я вот прямо как застыла... Так и сижу.

Слышу только бешенный стук своего сердца, как у маленькой мышки, что попала в мышеловку...

Пока он нарочно не садится напротив... И его же спутница по левую руку от него. Будто бы всё это назло мне...

Аккуратно и медленно Тим закатывает рукава своей серой рубашки, и это гипнотизирует. Выводит на такие сумасшедшие эмоции, что я даже не дышу... Не могу толком лицо его разглядеть... Будто воздух вокруг плавится как в печке... Горим...

В глаза мне не смотрит... Да и я в панике сейчас... Вряд ли бы смогла сконцентрироваться, чтобы заметить...

Такого вот я вообще не ожидала. Никак...

Получается... Они позвали его, чтобы мы поговорили? Сказали ему, что тут буду я или же нет? Или он нарочно её сюда привёл?

– Чё... Заказ делали уже? Выбирай, – даёт девушке меню, и она с довольным видом начинает перелистывать странички наманикюренными пальчиками. – Чё, Соболь... Не рад видеть? Кислый такой... – издевается он, положив ему руку на плечо.

Буквально все молчат... И я тоже не знаю... Абсолютно

не понимаю, что делать... У меня от того, что он рядом и без того всё внутри взрывается, а как представляю, что он с ней... Так просто... Замертво в могилу падаю.

– О-о-о, – поглядывает он на нас по очереди. Но особенно ни на ком не задерживается. Будто специально смотрит вскользь... Пустым безликим взором. – Да вы чё-то все такие... Не с той ноги что ли встали?

– Савицкий, – тут же парирует Варя, а я сильнее сжимаю её руку под столом. – Не устраивай цирк.

– Да кто ещё тут цирк устроил? Прямо надо о таких вещах говорить. А то вдруг у кого-то сердечный приступ случится. Мало ли... Ситуации разные бывают. Да, дорогая? – обращается к своей девушке, а та, хоть и недоумевает, но всё равно мило и ласково ему улыбается.

– Молча тухнуть будем, Мих, или бахнем по пятьдесят? – грубо спрашивает, пока я проглатываю ком.

– Тим... Кончай... Чё закладывать стал?

– Так а чё нет? Судьба у меня такая... – бросает свой острый взгляд на меня. И меня как будто на месте скручивает... В огненную воронку... Всё тело словно сейчас порвёт на нити... Не могу с этим справиться. Господи, помоги. – Ну а ты...? – обращается ко мне, и я даже слова не могу проронить. Хоть и вижу это пренебрежение... Эту злость... Гнев вперемешку с гонором Савицкого... С тем самым, с которым я столкнулась при первом знакомстве... И я отлично понимаю, что это щит... Он просто закрывается... И мне нужно

тоже в ответ говорить... Мне нужно. Иначе он меня раздавит. Чисто морально меня уничтожит и ничего не останется.

– Что я?

– Выбрала, что желаешь?

– Нет... Я только пришла...

– Она не знала, – перебивает Варя. – А то ты небось уже надумал...

– Конечно... Не знала, – опускает он взгляд и усмехается, будто бы издевнувшись и поставив под сомнения её слова, а девушка тем временем кладёт на него руку и что-то спрашивает на ухо. Словно бы воркует.

И я не выдерживаю... Меня реально бомбит... Будто снова вулкан внутри просыпается... Такая злость, что я вся в магму превращаюсь...

– Я действительно не знала. И если бы знала – ни за что не пришла, – выдаю откровенно и ловлю его чёрные своими. Соппротивление нарастает. Потому что вид у него, мягко говоря, убийственный, но я договариваю. – Ведь ты уже не тот человек, которого я знала. Совсем не тот.

– Да что ты? Много обо мне знаешь, дорогуша? – спрашивает с присущим цинизмом. – Думаешь раз увидела, слёзы полила и всё прощается по щелчку пальца? Ты-то привыкла к этому... Естественно...

Боже, сколько желчи... Как я злюсь... На него и то, что он с нами делает. Без зазрения совести рвёт нас на части.

Имеет ли он право? А я имею отвечать? Потому что не

могу затормозить...

Меня уже несёт... И это просто отвратительно... То, во что мы превратились. То, как мы говорим друг с другом... После всего, что было... После той любви... Тех вселенских чувств, как мне казалось... Ведь сильнее их я никогда и ничего не испытывала...

Глаза из-за этого краснеют и слезятся. Боль тупая и ноющая выступает союзником той ненависти, что зарождается в груди. Я под взглядом его теряю себя. Ту прежнюю девочку, что нуждалась в нём всем своим сердцем.

– О-о-о... Началось, – говорит, очевидно, заметив, что я уже не выдерживаю... Хочу заплакать. Хочу...

Лишь поэтому отпускаю Варину руку и тут же встаю с места, направившись в уборную...

Влетая туда, наверное, вся пошатываюсь. Не чувствую ног... И вообще ничего не чувствую. И сердечко, что я ношу на своей шее все эти годы под одеждой начинает тлеть, обжигая кожу... Я не знаю, как он это делает... Но он всё достал обратно. Вынул то, что так глубоко лежало...

Будто мне снова семнадцать, и я только что сбежала из лап отца – тирана... Будто я ищу его повсюду... Жду своего Тимура и боюсь, что с ним что-то случится. Дрожащими руками вытираю щёки от слёз, глядя в зеркало над раковиной... И слышу лёгкий щелчок двери позади.

Не ожидаю, но наши с Савицким глаза встречаются в приглушённом свете помещения через проклятое зеркало.

Я вздрагиваю, будто призрак увидела. Вся бледнею. Не знаю, зачем пошёл за мной... Очевидно, снова ранить, да побольнее...

Ни слова не могу проронить... И он молчит, зато сверлит так... Будто роторная буровая установка. Мне даже немного не по себе.

Я даже сделать или сказать ничего не успеваю... Да что там... Даже развернуться. Как он подходит сзади и вжимает меня в раковину всем своим станом, будто место мне моё показывает... И он не просто огромный... Он гигантский... Мощный... И такой кипяточный, что опалает даже через одежду.

Зачем так сделал? Зачем всё это происходит... Его ладони ложатся на мои руки, словно блокируют выход. Дыхание свистит и задевает каждое нервное волокно... Мне кажется, моя ЦНС терпит крах, потому что чувствует любое его касание как пулевое ранение... Я сейчас будто бабочка в лапах огромного паука...

Резко меня разворачивает. Одним рывком усаживает на раковину, разводит ноги в стороны и прислоняется лбом к моему, втискиваясь между ними. Я еле справляюсь с дыханием... А когда он вгрызается в шею вообще начинаю скулить в его руках.

Сначала закрываю глаза от внезапно вспыхнувших эмоций... Хочу поцеловать его, но он не позволяет... Открываю я их, уже когда слышу странный звук...

И тут до меня доходит, что он рвёт зубами упаковку от презерватива...

Это, наверное, не просто боль... Это такое мерзкое, липкое и гадкое ощущение внутри... Мне даже кажется, что я сейчас отключусь... Исчезну... Растворюсь прямо здесь и сейчас... Что он творит? Неужели он думает, что можно вот так просто взять и... Как будто я дешёвка какая-то...

Тут же хватаю его руки своими. Трясусь. Пытаюсь оттолкнуть.

И ярость, которой он меня при этом наделяет буквально разрывает на части.

– Не надо... Что ты делаешь? – спрашиваю, ведь он уже задрал моё платье, а я так и не отпускаю его плечи. Воткнула в него ногти прямо через рубашку. И меня колотит, будто внутри работает отбойный молоток.

– Что? – спрашивает нахально и грубо. – Не хочешь? А ему... Интересно, как скоро ты дала тому парнишке у общаги? Или так же ломалась?

Меня как волной боли накрывает... Ядерный гриб начинает расти... И всё внутри меня уничтожается. Вдребезги... На осколки.

Я резко нахожу в себе какие-то сверхъестественные потусторонние силы. Рука сама бьёт его наотмашь, и пусть мне больно физически от этого удара... Но это не сравнится с тем, что творится внутри после его гадких омерзительных слов в мой адрес.

Он молчит и отходит, сделав два шага назад. А я спрыгиваю и бегу оттуда на всех скоростях.

Подбегаю к столу, судорожно хватаю тренч с сумкой, пока Варя пытается остановить и понять, что случилось. Но я уже не реагирую...

Просто лечу оттуда прочь и больше никогда не желаю его видеть...

Глава 9.

Тимур Савицкий

Сука, кое-как вывез... Так проучить хотелось... Так сильно, что пытался игнорировать любые сигналы тела, которые буквально орали мне отойти от неё. В рупор кричали. Децибелами брали. И сначала я не сдавался... Но потом... Вдруг...

Три. Два. Один.

Бах... Будто детонатор сработал... Думал сейчас вообще разорвёт к херам сердце... В ключья... В лоскуты... В грёбаные лохмотья...

Атаковали даже голубые глаза... Поэтому и решил, что нужно впиться куда-то, чтобы не видеть. Но в губы не мог... Знал, что потом не оторвать будет. Я же помню, как оно в круговорот затягивает...

Поэтому выбрал шею... И заскулила... У меня сразу же в штанах всё загремело, будто состав по стыкам рельсового полотна прошёлся. Блядь, да я кое-как стерпел, чтобы реально её не трахнуть. Силой взять прямо там на ебучей раковине в грёбанном толчке пятизвёздочного ресторана.

Давил как мог её. Чтобы как блоху прижать. И она тут же задышала, занервничала, сжалась как раньше. Только не сработало уже ничего... Никакие блоки. Внутренние уговоры. Оковы...

И самого понесло по цепной реакции...

Захотел так, что вся кровь в пах влетела... Как сгустком там осела и причиняла физическую нестерпимую боль. Неожиданно всё тело вдруг что-то прознало. Какие-то истины, о которых думать давно не хотелось. Что есть «твоеё», и любое другое на замену, как сухпаёк вместо фуа-гра. Втянулся и уже не мог оторвать себя от неё. Будто клещами меня притянула...

Как вдруг этот взгляд, удар, паника...

Сразу понял, что задел её, охуеть как... И, признаюсь честно, мне было так охуенно от этого. Ещё никогда так не было. С того самого дня я только спал и видел, как бы дать ей ответку. Не понимал, зачем мне это. Так душа, пропитанная спиртом и болью просила...

Я так на неё, блядь, злюсь, что просто ненавижу. Эффект достигнут, это главное. Теперь можно валить. Она ко мне больше никогда и на километр не подойдёт.

Умываю рожу ледяной водой, отряхиваю руки и иду обратно в зал к этим заговорщикам. Естественно, Леску не вижу, так и знал, что она уже съебалась, зато Ветошникова нападает на меня, будто бешенная псина. Аж слюной брызжет направо и налево...

– Скотина! Что ты ей сделал?! Урод! – начинает колотить меня по голове.

– Воооу. Полегче. Ничего я ей не делал. Просто показал кое-что... Вот и всё...

– Какая же ты сволочь, Савицкий... Пока она всё это терпела... Ты хрен пойми где был и чем занимался! Ты просто гад! Даже если она тебе что-то не сказала! Она просто боялась, ты, кусок дерьма! – пихает меня в плечо, а я откидываю от себя её ладонь.

– Угомони свою бабу, Соболь, нахер!

– Рот закрой, Тим!

– Сука, заебали... – дёргаюсь за своей курткой... Не буду же я с ним махаться... Всегда нормально общались. Из-за бабы срать – последнее дело.

– Тим, мы уходим? – спрашивает рыжая растерянно. Но меня же, блядь, уже задели... Я не могу просто так стерпеть это дерьмо. Учитывая сколько всего хапнул. Да хули! Хапаю ежедневно из-за этого блондинистого Божьего одуванчика!

– Чё ты там сказала?! – ещё раз рыпаюсь на Ветошникову, а она вся как спичка вспыхивает.

– А чё ты там не расслышал, Тимурка?!

– Бля... – стискиваю челюсть. Не хило она меня за яйца, конечно, схватила. Я всегда знал, что она намертво бьётся за своё, и вот сейчас буквально достойный соперник, нахер. Будто на поле боя оба вышли. – Ты не лезь в чужие отношения. Это личное. Она сама знает, как и что. И за что.

– Дурак... Какой же ты дурак... – взывает Варя и хватается сумку со спинки стула. Начинает одеваться, и Миша, разумеется, следом за ней.

– Зато вы, блядь, все умные! Охуенно умные, особенно,

что позвали сюда нас обоих после её грёбанных показаний на меня! Так что сосите, все трое, ясно? – кидаю напоследок, показывая ей средний палец, и ухожу. И похер мне, чё она там хотела. Рыжая бежит за мной, но, конечно, не догоняет. Я ухожу быстрее, ибо мне ваще на неё похер, а она там ковыляет на своих каблучищах еле-еле.

Я сюда пришёл Носову выбесить. Как можно сильнее.

А ухожу в итоге уложенным на лопатки, блядь. Да вдобавок расколотым, как грецкий орех, надвое. И к своему стыду понимаю, что веду себя как ребёнок, блядь. Нахер вообще всё это сотворил? Лучше бы вообще сюда не приходил. Сказал бы прямо – не жди...

Так нет...

И теперь все мысли об одном. Что убежала, что заныла. Что всекла... Щека огнём загорелась, зато все воспоминания разом со дна поднялись, будто ил набрал высоту...

Это невыносимо... Ужасно и просто фатально, по праву говоря... И в глубине души я же знал, что так будет. Что любая встреча с ней подобна казни. Она меня с первого дня изнутри измором брала. Нихрена для этого не делала. Просто сидела рядом. А я как на поводке. Везде... За ней. Как грёбанный выдрессированный стаффордширский терьер. И до сих пор себя псиной ощущаю. Стоит только уловить взгляд или любую другую мелочь.

Поэтому и хочу поскорее уйти. А желательнее – исчезнуть.

Первым же делом я ныряю в чёртов супермаркет за сигаретами. Потому что если сейчас не прокурюсь или не простреляюсь – хана мне. Так это и работает... Только не из чего здесь стрелять и негде.

Поэтому стою на парковке и не могу выпустить пачку из рук. Тремор такой, что последние крупички нервов сжирает.

Слова Ветошниковой в голове как ёбанное заклинание... Абракадабра какая-то, с-с-сука.

«Пока она всё это терпела... Ты хрен пойми где был и чем занимался! Ты просто гад! Даже если она тебе что-то не сказала! Она просто боялась, ты, кусок дерьма!».

Может что не так услышал? Чё за хуйню она выдала...?

Сердце в груди, кажись, отплясывает шейк. Из стороны в стороны хреначит как в мультипликационных фильмах... Но то был Гуфи или сраный Микки Маус... А это, блядь, я... Я вообще забыл, где у меня оно расположено... А тут такое дерьмо беспросветное...

Телефон бесконечно вибрирует в кармане... «Алёна» долбит, будто перфоратор... Не видела в каком я был состоянии? Какого хрена наёбывает...

И вкус этот на губах... Блядь, зачем я только с «О» всё это... Теперь же из башки не вылезет.

Наверное, час я там хожу из стороны в сторону. Пытаюсь что-то додумать, а нихера не выходит. Взгляд этот... Разочарование, страх, отчаяние...

Увидела совсем не то, что привыкла видеть... И съебалась

в закат. Да и мне надо... Домой ехать. Потому что это уже пиздоблядство какое-то. Снова в те же сети... Из-за одного контакта... Да и не было ничего толком. Нахер мне это всё? Оно мне надо?

Сжимаю телефон в руках и хочется его об асфальт расхреначить... Чтобы не звонил никто больше... Но, сука, из части могут. А это сразу – свобода... От всего что тут происходит... Я туда рвану как потерпевший...

Пока иду по улице и мечтаю об этом, кто-то до меня доёбывается... Это сейчас как чиркнуть спичкой возле бензиновой лужицы...

– Слышь, сигареты есть?

– Не курю.

– А чё голос такой, э?

– Какой?

– Ты чё такой наглый, откуда будешь...

Слово за слово... Трое на одного... Понеслась... Во мне же дури больше, чем в наркопритоне... И хотя по башке мне тоже прилетает, причём бутылкой, я этих бедолаг минуты за четыре урабатываю...

– Чё вызвать вам скорую, терпилы?

Слышу только кряхтение и блеяние внизу, но всё-таки вызываю им помощь. Пускай хоть проверят их... Мне кажется они под дозой точно... А я всё это вообще не уважаю.

Домой возвращаюсь немного испачканным и обляпаным... А ещё понурым и хмурым, как дождливое небо...

Мать сразу же вцепляется в мои руки и смотрит в ужасе... В глазах её мелькает точно такое же болезненное разочарование во мне, какое я видел в глазах уже давно не своей «О».

– Тимур! Это что?!

– Да ничё... Налетели какие-то... Втроём. Всё нормально...

– У тебя с головы кровь течёт... Как же нормально???

Так и уводит меня в ванную, где помогает обработать всё.

– Сейчас пощиплет немного...

– Мам... Не смейся, – ржу я, вообще ни хрена не ощущая, когда она обрабатывает перекисью голову.

– Тимур... Расскажи мне, я прошу... Что с тобой такое происходит... Моё сердце... Оно так беспокойно... Изнывает там. Тимур...

Опускаю взгляд и чувствую, как все черви в душе начинают шевелиться... А их там ой как много развелось... Душёнка-то гнилая... Поганая... Пропадающая...

– Да ничё не происходит... Сегодня её видел... И всё как-то... Упало вниз внутри...

У мамы сразу лицо меняется. Она, видно, даже спрашивать боится. А мне что ещё сказать?

– Вы говорили?

– Не совсем... Я повёл себя отстойно. Вот прям как последнее чмо, наверное... Уезжать мне надо, мам... Уезжать... И то, что вы меня вернули... Мне только хуже делает... Я уже не умею здесь жить, пойми... Там мне намного

проще...

– Тимур... – мама дрожит... Из глаз выступают горькие слёзы. Её тонкие руки прижимают меня к себе в надежде отыскать того самого мальчишку, которого она вырастила... Но перед ней какой-то другой...

Худший экземпляр меня.

– Мне так жаль, что вы тогда расстались... Мне жаль, потому что я думала, что... Я будто видела тогда, что всё это было по-настоящему... Может, я ошибалась... Наверное, тебе что-то внушила, не знаю... Господи... Я так давно хотела с тобой поговорить, но ты закрывался... Я и слово боялась сказать. Олесю я как-то видела... Шла по улице... Заметила её понурый потухший взгляд. Она меня не видела. Смотрела куда-то под ноги. Мне на секунду показалось, что ей плохо без тебя... Не знаю, вправе ли я так думать...

Она окончательно срывает заслонки и начинает рыдать, а я обнимаю её.

– Нет, мам... Ей, скорее, со мной плохо, чем без меня... Береги себя главное, мам... А я справлюсь. Как позовут, обратно поеду... Здесь... Не мой дом... Да и вообще я сомневаюсь, что тот у меня имеется...

– Не говори так... Мы – семья твоя... Мы тебя любим. И здесь тоже твой дом. Как бы там ни было, сынок... Мы всегда тебя здесь ждём...

Не знаю, сколько мы так сидим. Час, два или все три...

У меня за рёбрами что-то отзывается... Её прикоснове-

ния, дыхание, голос... Что-то снова не так. Подобно нарастающей волне внутри. Цунами. И с каждым новым сделанным вдохом я думаю об «О» всё сильнее...

Любила ли? Думала обо мне? Что у неё с тем парнем? Кто был её первым? Кому она отдала себя в итоге? Будто трещины в броне появляются... И то, что так тщательно пытался скрыть неожиданно вновь раскрывается, расходится плоть на куски...

Я жить не хочу в этом странном мире... Он для меня – мучение... Глаза «О» как плети, объятия – тугая петля...

И я в ней каждый день умираю. Снова и снова...

– Тимур... Тимууууур, – будит мама, выдирая меня из насыщенного яркого сна, в котором я наконец-то чувствую себя живым.

– М-м-м... – мычу и бурчу себе под нос, вошкаясь по кровати в поисках «О». Потому что... Даже говорить не хочу. Но она мне, блядь, всю ночь снилась... Всю ночь, не переставая... Так и знал, что последствия будут катастрофическими. Это же насколько надо снова вляпаться, чтобы мерещилось бесконечно...

– Тимур... Просыпайся... – вторит мама, коснувшись моего плеча.

– Зачем? – спрашиваю и открываю один глаз.

– К тебе там пришли... – шепчет она тревожно, и у меня внутри что-то врезается. Что-то инородное и острое... Вхо-

дит в мягкие ткани тем же осколочным... Быть этого не может, или я всё ещё сплю?

Она?

Глава 10.

Тимур Савицкий

Видимо, мои мысли мама читает по глазам... Потому что я реально спрыгиваю с кровати быстрее пули, будто снова на построение, ходом натягиваю штаны и футболку, а она прерывает дополнением:

– Там девушка какая-то...

Неожиданно осознаю, что не «О». И меня как ошпаривает. Мама бы сразу сказала... Так какого чёрта?

Бля...

– Рыжая, что ли? – спрашиваю вслух, и, слава Богу, она мотает головой.

– Нет, не рыжая... Тёмненькая, низенькая, симпатичная.

Перевариваю и начинает доходить... Ветошникова... Кто ещё? Чё ей надо?

Не... Не пойду... Точно не пойду...

– Скажи, что я сдох тогда, – падаю обратно на кровать плашмя, а мама цокает.

– Тимур! Прекрати... Не надо так... Сходи к ней. Она вся взволнованная. На месте аж шатается. Сходи, сын. Давай... – подгоняет мама, выдирая из меня хоть какую-то мораль...

Я вздыхаю и всё же тащусь туда, закинув в рот жвачку, ибо воняет от меня с ночи как от пепельницы... Я же всю пачку

в итоге выкурил, пока до дома дошёл. Всё никак нервоз не мог унять. Особенно после драки...

Едва открываю дверь, встречаюсь с Варварой взглядами.

– Зайдёшь? – спрашиваю, и она мотает головой.

– Нет, лучше здесь, – говорит, и я выхожу, заметив вдали машину её Соболя.

– Чё хотела... – зеваю, потирая лицо заспанной ладонью. Она, конечно, замечает мой потрёпанный внешний вид. Но на этом не планирует останавливаться. Быть может, даже рада, что мне вчера прилетело от кого-то... На кулаки тоже поглядывает. Один так вообще весь разъёбанный. Но кожа уже стала такой грубой и сухой, что на ней любые раны, будто царапины.

– Я тебе не верю, – отрезает она резко, вводя меня в замешательство. Я чуть ли не кашлять начинаю от её напора, но держусь. Хотя вид у неё такой... Словно она снова пришла воевать.

– Не понимаю, о чём ты вещаешь...

– Ты же не такой, Тим... Ты любил её... И что-то до сих пор есть. Так что не так... Я не понимаю... Она говорит, что больше не хочет видеть тебя... Что ты изменился. Что нет любви, но я... – тараторит она, и я резко перебиваю. Потому что мне и эти слова причиняют максимальный урон. И я автоматически начинаю защищаться.

– Но ты додумываешь. Раз подруга говорит – нет любви. Значит, её нет. Это всё? – спрашиваю, ошущая, как грудак

сжимается в тисках, но Варвара метит прямо в душу... Как умеет. А она та ещё снайперша, прям как её подружка.

– Слушай... Я не совсем поняла твои слова там... О показаниях. Что это... Что ты имел в виду? Меня это смутило... Я бы никогда не стала лезть к вам обоим... Тем более, к тебе... Но...

– Ой, да ладно? Она тебе не сказала, что ли? Ну, блин... Спроси тогда о каких показаниях речь, чё... Может, поделится, – выпаливаю и, если честно, меня пиздец возмущает вся ситуация. Аж до нервного защитного смеха.

– Я бы спросила, но... Я просто не смогла этого сделать... У меня язык не повернулся... Потому что она в больницу попала после того как убежала...

– Что? – спрашиваю и у меня по всему телу проходят болезненные вспышки. Будто ковровой бомбардировкой накрыло... Всё внутри светится от очагов возгорания. – В смысле... В больницу? Почему?

– Потому что не видела даже куда убегала. Упала в итоге... Потом позвонила мне, мы забрали её... Отвезли в больницу.

– И что с ней?

– Ногу повредила... Вроде не перелом, но домой с ушибом и растяжением отправили... Так ты ответишь на мой вопрос?

Блядь... Мне теперь так погано на душе, что вообще говорить не хочется. Чувствую себя паршиво... Из-за меня же

всё.

– Не надо было мне вообще приходить вчера туда... Я за-
тупил жёстко. Но я жалею. Так что... Передай ей мои изви-
нения. Я уеду скоро и не буду её тревожить.

– Тим... Может ты сам передашь? Тебе разве не кажется,
что вам надо нормально поговорить?

– О чём?

– О том, что, очевидно, будто вы друг друга не поняли.
Объясни... Хотя бы мне объясни! Потому что после того,
как тебя забрали... Ей было так плохо, она сразу же из до-
ма сбежала, когда мать её закрыла... Примчала ко мне. Мы
езде тебя искали... Поехали отдавать заявление на лише-
ние родительских прав... Снимали побои, обращались в по-
лицию... Столько всего делали... Она с ума сходила без те-
бя... А когда приехала к тебе домой... И твой отец сказал ей
всё это утром, что она больше тебя не увидит, и...

Дальше я уже не слушаю... Будто белый шум... И зву-
ки бронебойных пуль четырнадцать с половиной калибров,
прошивающие металл и бронестекло толщиной в почти три-
надцать сантиметров... «Тайфун-К» насквозь. И я вместе с
ним как решето...

Что она, блядь, говорит??? К какому отцу «О» приходи-
ла? Когда? Какое лишение родительских прав? Меня слов-
но контузило прямо сейчас... Внутри звенит... И тело, сука,
будто не моё... Я где-то вокруг витаю.

– Тим...? Тимур? Эй... В порядке? – трясёт меня за плечо,

и мой взгляд еле фокусируется на её напуганном лице. – Ты чего? Тебя будто... Оглушило... У тебя контузия, что ли?

– Нет. Нет никакой контузии... Я нихуя не понял из того, что ты сказала... Вообще нихуя, Ветошникова. Ты меня сейчас будто обухом по голове саданула...

Я беру куртку, закрываю за собой дверь и веду Варю в сторону улицы...

– Значит... Ты ничего не знал... И ты уехал, потому что отец так сказал? Зачем ему это...

– Я не знаю. Я вообще сейчас в недоумении... Это хрень какая-то... Она всё это время жила у тебя с тобой... И твоим отцом? Всё это время... Была сиротой?

– Да... Ей было плохо там... Он избивал её постоянно... Оскорблял, унижал... В итоге даже на суд не пришёл... Мать как-то раз приходила в школу... Наверное, спустя неделю после случившегося... Просила её заявление забрать... А потом всё. Когда их лишили... Леся вообще забыла об их существовании... Поступила на медицинский, переехала от нас... Я и подумать не могла, что у вас всё так вышло... Иначе бы давно тебя нашла...

– Бля, – роняю лоб на спинку сиденья впереди и чувствую, что всё болит... Ещё хуже, чем было. Соболь молчит за рулём. Мы с Ветошниковой сидим позади.

«Он избивал её постоянно... Оскорблял, унижал...».

Как же, сука, хреново... Блядь, дайте керосина, я себе

на башку вылью и подожгу. Не могу уже эти эмоции вывести. Вообще нихера не могу. Распирает внутри. Их слишком много...

– Что собираешься делать...?

– Уезжать обратно, – отвечаю, а она смотрит на меня в недоумении.

– В смысле?

– В прямом... Нехуй мне здесь ловить... Я только всю жизнь ей испорчу.

– Тимур, блин! Она любит тебя до сих пор!

– Ага, – отвечаю приглушённо и чувствую, как в горле скапливается песок. Любит... Больно, конечно, от этих слов... Особенно с учётом того, что они тупо не могут быть правдой. – И жаждет видеть... После того, что я сделал вчера, так особенно...

– Блин... А что ты сделал??? Она так и не сказала... Она же не знает ничего... Что вы как бараны? Упёрлись... Посмотри с другой стороны... Как бы ты поступил?

– Блин, Варя... У неё же парень есть... Я тут вообще каким боком?

– Какой парень?! – ошарашенно смотрит на меня кареглазая.

– Да хер знает. Я ебу? Какой-то парень до общаги её провожает...

– Боже... Савицкий! Ты меня в гроб загонишь! Это Стёпа – коллега её. И нет у них ничего... Блин, дурак ты тугой...

Она девственница ещё!

– Чего?

Забываю, как дышать, когда слышу это. Гон какой-то... Абсурд, сука...

– Того!

– Ты гонишь или чё?

– Нет... Я правду говорю, а гонишь ты! Она не могла ни с кем отношений начать... Потому что любит тебя. И всегда любила... Госсссподи... Неужели ты не заметил? Я, конечно, понимаю, что на войне кожа толстеет... Но не настолько же! Ты дальше своего эго ничего не видишь!

Каждое слово мне в висок врезается. Каждое... Заходит внутрь и садится так глубоко, что не выдернуть без последствий... И без того голова бедовая была... Так ещё и свинцом теперь накаченная... По самую макушку.

Если это реально правда... Я ей, наверное, психологическую травму там нанёс... Если это всерьёз так... И она... Никогда... Ни с кем так и не...

Блядь...

Как в кипятке варюсь, реально... И не знаю, как реагировать на услышанное...

Верить ей? Что делать? Куда в первую очередь идти? Отца пока нет в городе...

Да и у меня ни единой мысли на этот счёт.

– Где она сейчас находится? – спрашиваю, а у самого ладони потеют и вены внутри надуваются от давления... Ка-

жется, сейчас все разум лопнут, и сердце вместе с ними...
Хоть салон Михин изнутри украшу...

– В общежитии... Она там живёт...

– Комнату скажешь?...

Столько всего внутри, что по полкам просто так этот хаос не разложишь... Но, видимо, Варя права... И нам нужно поговорить... Потому что, если честно... Я сам в эту правду хочу верить... Потому что от этих мыслей внутри снова появляется хоть какой-то смысл...

И сейчас я хочу просто извиниться за своё вчерашнее отвратное поведение. Не выяснив ничего, внутрь лезть не стану... Потому что всё равно не разгадаю «О». Всё равно не найду выход из лабиринта её взгляда... Если вдруг спрошу – там и потеряюсь. Мне нужно самому узнать, что тогда произошло, прежде чем предпринимать что-то... Потому что я не хочу опять всё запороть.

В душе потёмки такие, что заблудиться, нахер, можно... Упасть, зацепившись за обиды и сомнения, и расквасить себе половину ебала...

Но прийти туда к ней всё же должен. Хотя бы показать, что я не совсем отбитый...

Поэтому я просто беру букет... Точно такой букет, который брал ей когда-то... И снова воспоминания меня по сердцу плетьюми колошматят... Снова они как мрази нападают исподтишка...

Не умею я быть хорошим сейчас... Таким, каким пытался быть для неё когда-то... Разрываюсь весь... На чёрное и белое нитями расхожусь... Раньше хоть как-то понимал, что есть грани... А теперь всё сильнее из крайности в крайность бросаюсь... Свои, враги. Другого не дано.

В общагу попадаю не сразу. Женщина-комендант строгая, но, как и большинство, продажная, конечно... Только выглядит как Цербер, а по сути, можно купить.

За бабки мать родную продаст...

– Так ты к Лесе, что ли? Что же сразу не сказал? – забирает из моей руки свёрнутые купюры и доброжелательно открывает мне турникет. Аж тошно становится, но мне не до церемоний. Вообще если честно не до чего... Лишь бы увидеть её и хоть как-то загладить своё вчерашнее поведение...

Ведь внутри всё ещё сильнее гниёт...

Пока иду туда, не знаю, с чего начать... И так, и сяк массирую, что буду говорить ей... И никак нормально не получается. Всё, сука, не то...

Ну, дурак по сути... Ничего уже не исправить...

Но времени стоять и тупить нет, поэтому сжимаю пальцы в кулак и стучусь...

Дверь открывают не сразу... Но потом... Раздаётся лёгкий скрип.

Какая-то девчонка удивлённо смотрит то на меня, то на цветы, и не моргает... Кудрявая блонда с горящими глазами. Ещё и улыбается, словно во мне знакомого увидела.

– А ты...? – спрашивает и сушит зубы.

– К Лесе... – отвечаю. – Она у себя?

Не успеваю я толком ничего ещё расспросить, как вижу хромающую заплаканную «О», которая нервно ковыляет к нам и остервенело захлопывает перед моей рожей дверь... Да так, что мне под ноги сыплются нежно-розовые лепестки...

Как символично, нахер...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.